

ЧАСТНОЕ ЛИЦО

МИХАЙЛОВ В.Н.

Валерий Михайлов

Частное лицо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17803613

ISBN 9785447447571

Аннотация

Украли ценный талисман – краеугольный камень магического ордена. Майор милиции Клименко по распоряжению руководства занимается частным расследованием. Ему помогает начинающий писатель – он собирает материалы для будущего романа. Расследование приводит к ряду разоблачений, и, конечно, как во всяком детективе, не обходится без убийства. На полотне из черного юмора, метафизики и драмы человеческих отношений философско-эзотерическим лейтмотивом проступает призрак Алистера Кроули...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	32
Глава четвертая	46
Глава пятая	53
Глава шестая	69
Глава седьмая	83
Глава восьмая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Частное лицо

Валерий Михайлов

Вряд ли я сумею в точности восстановить ход событий или же однозначно вспомнить, когда что было. Нет, я, конечно, попытаюсь, несмотря даже на то, что сейчас это уже не имеет ровным счетом никакого значения. Однако твердой уверенности в успехе у меня, пожалуй, нет. Поэтому, обнаружив путаницу в какой-нибудь из глав настоящей книги, не осуждайте меня. Память – очень странная штука...

Андрей Сидерский. «Третье открытие силы».

© Валерий Михайлов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Предыстория

Несмотря на экзотическое название «Хижина Нагваля» оказалась вполне милым заведением. Не более дюжины столов, английский или французский стиль, победившая демократия в ценах. Людей было немного, и мы выбрали столик в углу под каким-то куском испорченных обоев в рамке. Судя по всему, владельцы кафе решили, что это – картина. Как говорится, хозяин-барин.

Мы – это Эмма – моя любимая, мой спонсор, мой благодетель и отец родной. Ей почти тридцать. Среднего роста, стройная, красивая, деловая, состоятельная. И я. Мне сорок. Я не красавец, не стройный, не богатый, не состоятельный. Я – любимый (и надеюсь единственный) мужчина Эммы.

– Что будете заказывать? – спросила милая барышня-официантка, материализовавшаяся возле нашего стола.

– Кофе, – сказала Эмма.

– Какой?

– «Капучино».

Эмма всегда заказывает «капучино» в незнакомых местах. Говорит, что его труднее испортить. По мне, так испортить можно все, даже сам процесс испорчивания. Но не в этом дело. Раз Эмма заказала «капучино», значит,

кафе выбирала не она, что ровным счетом не означало ничего.

– А мне, пожалуйста, двойной «эспрессо». Причем двойной только по количеству кофе. Лишнюю воду туда лить не надо.

– Простите за нескромность, вы у нас в первый раз? – спросила официантка.

– Да, а что?

– Дело в том, что у нас очень крепкий кофе.

– Ничего, я угрызу.

Она улыбнулась.

– Что-нибудь еще?

– Спасибо, пока нет.

– Что за дурацкая привычка заигрывать с официантками, – прошипела Эмма, когда официантка отправилась выполнять заказ.

– У меня просто хорошее настроение, – ответил я, улыбаясь Эмме во всю свою пасть.

– Когда зеваешь, прикрывай рот, – съязвила она.

С Эммой мы познакомились около года назад. Устав от сидения за компьютером, я отправился немного прогуляться, чтобы проветрить мозги, а заодно хоть немного размять слишком уж засидевшееся тело. Каких-либо планов у меня не было, поэтому я пошел, куда глядели глаза. Я уже собирался возвращаться домой, когда мой взгляд поймал пару великолепных женских ножек в изящных туфельках на вы-

соких каблуках...

Их хозяйка, невысокая брюнетка с идеальной фигурой шла деловым шагом чуть впереди в том же направлении, что и я. Словно привязанный к ней взглядом, я пошел следом. Когда она остановилась на светофоре, я сумел разглядеть ее лицо. Возможно, с точки зрения геометрии оно не было идеальным, но я буквально вспыхнул от страсти, словно д'Артаньян при виде Констанции Бонасье. Я готов был поклясться чем угодно, что охватившее меня чувство было любовью с первого взгляда. Я шел за ней следом на расстоянии двух шагов, (благо на улице было полно народу), пока у нее не зазвонил мобильник. Я услышал, как кто-то назвал ее Эммой. Этот звонок словно придал мне смелости и, поравнявшись с ней, я заговорил.

– Эмма! – выпалил я.

Она посмотрела в мою сторону и спросила:

– Простите, а мы знакомы?

– Нет, но... Извините за назойливость и... Но если я не скажу вам сейчас... Вы не поверите, Эмма... но я... я влюбился буквально с первого взгляда!

– Поздравляю, – холодно бросила она.

– Влюбился в вас, Эмма, и сейчас, я понял, что если не догоню вас, не скажу о своих чувствах, все будет кончено... Я словно в бреду.

– Тогда вам нужно обратиться к врачу. Желательно, к психиатру.

– Нет, Эмма! Только вы сможете меня спасти!

– Да? – улыбнулась она, как бы позволяя своей улыбкой мне продолжать.

– Пожалуйста, Эмма! Не отказывайте угостить вас обедом.

– Сейчас уже время ужина, – снисходительно заметила она.

– Эмма, прошу вас, поужинайте со мной! – выпалил я, как подросток, впервые приглашающий понравившуюся девушку на свидание.

– Вы забыли преклонить колено, – рассмеявшись, сказала она.

– Извините, – я бухнулся перед ней на колени.

– Да я пошутила! Боже мой... Встаньте немедленно!

– Вы согласны?

– Да, если только вы будете вести себя более адекватно.

– Я обещаю.

После ужина мы просто бродили по улицам города, разговаривали ни о чем, молчали. У меня даже мысли не возникло пригласить ее в гости или попроситься к ней. Мы ни разу не поцеловались, не обнялись... Лишь несколько касаний руки рукой...

Через пару недель она перебралась с вещами ко мне. А пару месяцев назад она вдруг решила купить мне автомобиль, что не вызвало у меня даже капли восторга. У меня аллергия на руль, каких бы денег он ни стоил.

– Ты действительно хочешь вбухать в меня хренову кучу денег? – спросил я, когда она мне продемонстрировала потенциально моего железного коня.

– Только не говори мне, что тебя вдруг начали волновать все эти глупости вокруг мужской гордости и женских денег.

– Мужская гордость мне до одного места. Но если ты действительно хочешь меня порадовать до обмоченных штанов, издай что-нибудь из моих вещей.

К тому времени в моем активе было уже три романа, пять повестей и несколько дюжин рассказов, изданных исключительно в интернете.

– Я посмотрю, что с этим можно сделать, – пообещала она.

Прошла какая-то пара месяцев (в издательском мире это одно мгновение, можете поверить моему опыту общения с издательствами), и вот мы сидим в кафе, ждем редактора или литературного агента и ждем кофе.

Кофе появился раньше агента, и свою порцию я одолел в два глотка. Не знаю, прилично я поступил или нет, но я сделал все, чтобы допить кофе до того, как он станет холодной горькой мутной жидкостью – кофе мы с Эммой пьем без сахара.

Минут через пять я уже пожалел, что не внял мудрым словам официантки. Кофе не только оказался более чем крепким, но еще и более чем кофеинистым. Я почувствовал, как мои глаза начали медленно раскрываться до тех пор, пока веки не сошлись на затылке. Захотелось бежать, скакать, су-

етится, быстро о чем-то говорить, не важно о чем... Единственно чего мне не хотелось совсем, так это вдумчиво и обстоятельно беседовать с человеком, который специально ради этого, пусть даже не бескорыстно, с минуты на минуту должен был появиться в этом чертовом кафе с ракетным топливом вместо кофе.

Он появился, когда я боролся с навязчивой мыслью выйти и пробежать пару кругов вокруг квартала, чтобы прийти немного в себя. Ему было за пятьдесят. Толст, лыс, очкаст. Типичное еврейское лицо и курчавые седые волосы. Увидев его, Эмма встала со стула и замахала рукой, точно жена моряка на пирсе. Заметив нас, он по-Брежневски махнул нам в ответ.

– Здравствуйте, здравствуйте. Извините за опоздание, – сказал он, подойдя к нашему столику.

– Ну что вы, Соломон Яковлевич. По вам можно сверять часы. Здравствуйте, и прошу вас, садитесь, – встретила его Эмма.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Соломон Яковлевич, позвольте представить вам...

Короче, меня.

– Очень приятно, – он потянул мне руку. – Так значит это вы тот самый писатель? – спросил он.

– Что-то вроде того, – ответил я.

– Мне, пожалуйста, апельсиновый сок, – сообщил он подошедшей официантке, и уже обращаясь ко мне: – Я ознако-

мился с парой ваших вещей, и... – на этой «и» он и закончил фразу.

– Они хоть на что-то годятся? – спросил я, как бы в шутку.

– Не знаю даже, что вам сказать...

– Можно прямо и без опасения меня обидеть.

– Хорошо. Прямо так прямо. То, как вы пишете, очень даже ничего. Вполне. Небольшая редакторская и чуть более заметная корректорская правка, и будет вполне читабельно. За Толстого вас, конечно, не примут, да и кому сейчас нужен Толстой? Но то, о чем вы пишете... – он сделал акцент на «о чем». – Поймите меня правильно. За деньги Эммы Викторовны я готов издать вас хоть в полном объеме и даже расписать по книжным магазинам, но на этом все и закончится. Это, конечно, мое личное мнение, и если оно вас интересует... – он сделал большой глоток сока, не торопясь, промокнул губы салфеткой, затем вопросительно посмотрел на меня.

Я попытался скорчить такую рожу, чтобы у него больше не возникало никаких сомнений в том, что его мнение, а он был хорошим спецом в своем деле, иначе Эмма ни за что бы его не наняла, меня интересует сейчас больше всего на свете. Похоже, мне это удалось, потому что после поистине театральной паузы он продолжил:

– Дело в том, что для того, чтобы ее покупали, книга должна соответствовать целому ряду требований. Так вот, ваши тексты... они не совсем то, что нужно читателям. Надеюсь,

вы понимаете, что я говорю это исключительно из желания быть вам полезным.

Я это понимал, о чем немедленно его и заверил.

– Вы можете что-нибудь предложить? – спросила его Эмма.

– А что если вам написать что-нибудь кошерное? Мелодраму... хотя нет, это не по вашей части, а вот какой-нибудь детектив... Что-нибудь с юмором...

– Даже и не знаю, – чистосердечно признался я, – никогда не писал детективы.

– Поверьте мне, даже у самого величайшего мастера этого жанра был продолжительный период жизни, во время которого он никогда не писал детективы.

– Я не то, чтобы против, но для начала мне нужно перестать путаться в милицейских и прокурорских званиях или же писать фантастический детектив, в котором действие происходит в далеком будущем или на другой планете.

– Нет, фантастический детектив нам не нужен. Так что придется вам познакомиться с работой правоохранительных органов поближе.

– Этот вопрос я беру на себя, – решила Эмма.

– Вот и хорошо, – обрадовался Соломон Яковлевич, – раз Эмма Викторовна берется за дело, можно быть совершенно спокойным. Ну а если что понадобится по части литературы, вы не стесняйтесь. Телефон мой у вас есть.

– Да, спасибо, – ответила Эмма.

– Вот и прекрасненько. А теперь, если вы позволите... – сказал он и встал из-за стола.

Через два дня после необходимого количества нисходящих телефонных звонков я сидел в кабинете зам начальника милиции нашего района и ежился от направленной на меня струи холодного воздуха, извергаемого сплитсистемой, которая пахла вовсю, несмотря на то, что на улице была середина апреля. Так в милиции боролись с жаром от отопительных батарей. Котельщики кочегарили так, будто котельная работала в преисподней. Со стены напротив на меня внимательно смотрел портретный президент, словно ему было интересно, насколько я способен переносить тяготы и лишения кабинетной жизни.

– Чем могу служить? – спросил зам начальника милиции после рукопожатия и принятия сидячего положения.

– Дело в том... – начал я.

Когда-то давно, еще будучи наивным школьником, я полагал, что так похабно умею говорить только по-английски. По-английски я даже молчу с акцентом, а когда злая судьба заставляет меня открыть рот, я выдаю нечто достойное полумного йоркширского заики с выбитыми передними зубами. Нечто похожее, но только уже на русском я выдал в кабинете зам начальника милиции, пытаясь сказать, что я – писатель; хочу написать роман про нашу доблестную милицию, для чего хочу проникнуться милицейским духом. И все такое. Но то ли нисходящий звонок произвел на моего себе-

седника такое действие, то ли он и в самом деле решил, что писатели должны говорить на порядок хуже нелегальных гостей из далекого Азербайджана в первый день своего пребывания на российской земле, только он принял мою речь за нечто вполне естественное и само собой разумеющееся.

– Мда, – задумчиво произнес он, выслушав мой монолог, – давайте я все порешаю, а потом вам позвоню.

– Буду вам очень признателен, – сказал я, вставая из-за стола.

Он позвонил на следующее утро.

– Я поручил ваше дело майору Клименку Николаю Васильевичу, – сообщил он. – Сейчас он в отгулах, выйдет на дежурство послезавтра, но если хотите, можете побеседовать с ним, так сказать, в неформальной обстановке. Он рыбачит на лодочной станции. Знаете, где это?

Конечно же, я знал, где находится лодочная станция, причем еще с тех времен, когда прогуливал там уроки, а потом пил с друзьями пиво после майской демонстрации.

– А удобно беспокоить его на отдыхе? – на всякий случай спросил я.

– Удобно, удобно. А чтобы было еще удобней, прихватите с собой бутылочку коньяка.

– Спасибо за совет. А как я его узнаю?

– Спросите Дядю Сэма. Его там все знают.

– Я понял, спасибо большое.

Он что-то ответил в духе того, что помогать людям – его

профессиональный долг и положил трубку.

Примерно через час я был на лодочной станции. К счастью, потенциальных майоров милиции там было не много. Компания молодых людей, одиноко глядящий в никуда мужик моих лет, и еще одна компания с детьми и собакой. Эти жарили шашлыки. Потратив не больше секунды на раздумья, я решил, что если здесь и прячется майор милиции Клименок, то с наибольшей вероятностью это одиноко задумчивый мужик. К нему я и подошел.

– Добрый день, – сказал я.

Он недоверчиво на меня посмотрел, затем бросил коротко:

– Привет, – после чего окончательно потерял ко мне интерес.

– Простите, пожалуйста, но мне нужен Николай Васильевич Клименок...

– Не знаю такого, – совсем нелюбезно ответил он.

– Его еще называют Дядя Сэм.

– Еще раз меня так зовешь, и твой рот облысеет, – предупредил мужик с удочкой.

– Товарищ майор, я от Игоря Алексеевича...

– Где пароль.

– Что?

– Пароль. Он тебе ничего разве не говорил?

– Он сказал, что вы не обидитесь, если я приду с коньяком.

– Стаканы взять догадался?

– Да. Одноразовые. И лимон для коньяка.

– Пароль принят. Пойдем.

Минут через пять мы уже сидели на перевернутой вверх дном лодке. Я разливал коньяк.

– Ну что, за знакомство! – произнес он первый тост, и мы выпили.

– Чем могу быть полезен? – спросил он, когда коньяк был на исходе.

– Я хочу взяться за детектив.

– Так берись. Я-то тебе зачем?

– Я бы хотел знать, как работает наша милиция. У кого какие обязанности, и так далее. Но лучше всего было бы посмотреть на кого-нибудь в деле.

– А зачем тебе это?

– Для достоверности.

– Для достоверности, – недоверчиво повторил он. – А на кой хрен тебе эта достоверность? Бонд вон у Флеминга ведет себя, как не повел бы себя ни один из профессионалов. Его разве что Штирлиц перещеголял по уровню сказочности образа. А ты достоверность...

– Все равно...

– Ладно, Ватсон. Раз тебя ко мне приставили, значит, дело тонкое, деликатное. А раз так. Только не становись для меня геморроем, и все будет пучком. Я тебе обещаю.

В общем, расстались мы, можно сказать, друзьями. А еще

через пару дней...

Глава вторая

Первый урок детектива

– Эдвард Львович, к вам от генерала Журбина, – объявил не то секретарь, не то камердинер, впуская нас в огромную, размером с футбольный стадион комнату, напичканную роскошью, точно это пещера Али-Бабы.

Камердинер-секретарь был высоким, поджарым, слащавым и прилизанным. Несмотря на жару, а в доме было нагрето так, словно это был крематорий Освенцима, на нем была черная тройка. Рубашка застегнута на все пуговицы, а галстук повязан по всем правилам последней моды. Эдвард Львович, напротив, демонстрировал полное пренебрежение ко всякого рода дресс-кодам. Судя по прическе, он давно уже дал себе обет не прикасаться расческой к волосам. А расшитый китайскими драконами халат на голое тело и шлепанцы идеально гармонировали с прической. Лет ему было под пятьдесят, хотя в зависимости от степени ухоженности и освещения он мог бы выглядеть от сорока до восьмидесяти.

При виде нас он поморщился, словно увидел половинку таракана в своей тарелке.

– Сереженька, я же просил договориться с Журбиным, чтобы прислали этого, как его там, Климова, – выдал он сво-

ему холую тоном капризной шлюхи.

– Я и есть майор Клименок, – представился Клименок.

– А это? – спросил Эдвард Львович, ткнув в мою сторону пальцем, с таким выражением лица, точно я был сделанный Клименком лужей посреди ковра.

– Вам нужен был я и конфиденциальность? – как ни в чем не бывало спросил Клименок.

– Именно, а вы...

– Знакомьтесь. Конфиденциальность – это он. Я зову его Ватсоном, но Ватсон он только для меня. Для вас он – помощник детектива или господин помощник детектива.

– Главное, чтобы вы быстро сделали свою работу и сохранили конфиденциальность происходящего, – согласился с моим присутствием Эдвард Львович.

– Тогда давайте переходить к делу.

– Сереженька. Расскажи детективам суть дела, – уже нормальным голосом попросил Эдвард Львович.

– Позвольте спросить, господа, не согласитесь ли вы продолжить беседу за чаем в малой гостиной? У Эдварда Львовича утренний ритуал, а это, как вы понимаете, конфиденциально.

– Ладно, пошли, – согласился Клименок.

– Если вы еще не знаете, – начал свой рассказ Сереженька, когда мы расположились за баснословной цены столом, – Эдвард Львович – потомственный маг, великий Гроссмейстер Ордена, название которого я не вправе вам разглашать. Чле-

ны Ордена – сплошь состоятельные, влиятельные люди, поэтому Эдвард Львович так опасается огласки. Орден является своего рода духовным наследием величайшего мага и волшебника 20 столетия – Алистера Кроули, учеником которого в свое время был дед Эдварда Львовича. Поэтому одними из наиболее почитаемых нами днями являются 8, 9 и 10 апреля. Именно в эти дни в 1904 году в Каире Алистер Кроули вступил в контакт с духом Айвассом, который продиктовал ему «Книгу Закона», ставшую квинтэссенцией учения великого мага. В память об этом событии каждый год в эти дни в этом доме, собираются посвященные в высшие ступени посвящения члены Ордена для проведения особого ритуала. Суть ритуала я разглашать не могу. Скажу лишь, что он проводится с использованием некоего предмета, талисмана, который и был украден между девятым и десятым апреля.

– И вы хотите, чтобы мы с коллегой, не поднимая шума, нашли этот предмет? – спросил Клименок.

– Совершенно верно, – обрадовался чему-то Сергей.

– У вас есть фотография украденного предмета?

– Ну что вы! Само существование этой реликвии держится в тайне.

– Что ж, плохо держится, раз кто-то его украл.

– Увы.

– Но вы можете нам его описать или, еще лучше, нарисовать?

– К сожалению, мои уста запечатаны клятвой. Ничем

не могу помочь.

– Ты не поверишь, но мы не умеем искать то, о чем не имеем ни малейшего представления, – ехидно и одновременно торжественно сообщил Клименок.

– Прошу вас, поговорите об этом с Эдвардом Львовичем.

– Ладно, когда в последний раз видели талисман?

– Ночью с девятого на десятое. Около трех часов ночи.

– А сейчас двенадцатое, – констатировал Клименок.

– И? – не понял Сергей.

– Два дня искали телефон?

– Мы пытались своими силами...

– Понятно. Каков круг подозреваемых?

– Что?

– Сколько человек было в доме, когда предположительно произошло ограбление?

– Сам Гроссмейстер, потом Алая Женщина, потом магистры Севера и Юга со Жрицами...

– Со Жрицами любви? – перебил его Клименок.

– Со жрицей Надежды и жрицей Милосердия.

Судя по отсутствию какой-либо реакции, Сергей действительно не понял шутки Клименка.

– Дальше.

– Дальше Жрица Луны, ну и я. Это кроме прислуги.

– Каждой твари по паре. А прислугу вы что, за людей не считаете?

– Нет, что вы, просто прислуга у нас не имеет никакого

отношения к таинству Ордена, поэтому на эти три дня она уходит в отпуск и покидает дом.

– И тем не менее?

– Прислуга – это повар, горничная и садовник.

– А дворецкий... скажите, у вас есть дворецкий?

– Нет, дворецкого у нас нет.

– Очень плохо, – огорчился Клименок.

– Почему? – не понял Сергей.

– Потому что обычно во всем виноват дворецкий, и если бы он у вас был, мы бы уже через минуту триумфально закончили свое расследование. Но раз его нет...

На этот раз Сергей понял шутку. По крайней мере, губы его растянулись в улыбке.

– А раз дворецкого нет, то я тебе не завидую, – совершенно серьезным тоном сообщил Клименок.

– Почему? – удивился Сергей. Улыбка моментально исчезла с его лица.

– Потому что, как мы с Ватсоном поняли, роль дворецкого в этом доме играешь ты. Вывод, надеюсь, сделаешь сам?

– Боюсь, господа, что здесь вы очень глубоко ошибаетесь.

– Ну если так, то тебе нечего бояться. Бояться надо, если я прав.

– Конечно, если бы это было в кино или романе об идеальной советской милиции. В реальной жизни намного важнее, что вы думаете о происшедшем, чем что произошло на самом деле.

– Ты был бы прав, если бы у меня было 24 часа на то, чтобы отправить кого-нибудь в тюрьму. Здесь же от нас с Ватсоном требуется найти пропавший предмет, а его кулаками не добудешь. Ладно, вернемся к делу. Какие розыскные мероприятия были проведены до нашего приезда?

– Что? – традиционно не понял Сергей.

– Ну вы же пробовали искать эту вашу хрень, а не бросились первым делом звонить генералу?

– Я бы попросил вас не использовать подобных выражений, когда речь идет о нашей святыне.

– Ты лучше старательно отвечай на вопросы. Или мне напомнить, что ты фактически официально признан присяжными дворецким со всеми вытекающими отсюда последствиями?

– Мы перерыли весь дом, обыскали участок. Провели до-смотр личных вещей. Так, кажется, это называется?

– Очень хорошо. А скажи нам, друг дворецкий, никто случайно из перечисленных тобой людей не исчез из зоны досягаемости?

– Учитывая характер происшедшего, все решили остаться здесь.

– Поразительное чувство ответственности. Где еще такое встретишь в наши дни. А скажи, они случайно не невидимки? Или вы их заперли на всякий случай в темном чулане?

– Ну что вы, – смутился Сергей, – они в ритуальном зале. Пытаются вступить в астральную связь с Айвассом.

– Вот оно как! – в голосе Клименка послышалось уважение. – Раз так, можно переходить к главному, а именно пришло время показывать нам наши апартаменты.

– Для вас приготовлена малиновая спальня.

– Что, одна?! – вскричал Клименок. – Мы что, похожи с Ватсоном на гомиков?

– Такое мне в голову даже не могло прийти, – растерялся Сергей.

– Тогда за каким хреном вы решили уложить нас в одну койку?

– Мы думали, вы приедете один.

– Ну так нас двое. Причем уже давно.

– Прошу меня простить, господа. Одну минуту.

Сказав это, он со всех ног бросился готовить вторую спальню.

– И так, Ватсон, нам повезло, что мы здесь в качестве частных лиц. Иначе тебе пришлось бы подробно описывать в специальном протоколе место преступления, а это самое паскудное, что только может быть в нашей работе, – сообщил мне Клименок, когда мы остались одни.

– А мы разве не...

– Я на больничном. А ты вообще постольку поскольку, – не дал он мне договорить.

– Но...

– Это особое поручение, Ватсон. Наши аристократы в первом поколении так кичатся этим своим свежеприобретен-

ным аристократизмом, что даже расследование преступлений предпочитают в виде услуги ВИП. Ну а для этого в нашем управлении существую я. Тебя, кстати, тоже прикрепили ко мне исключительно из-за звонка генерала.

– А как ты добился этого?

– Как-нибудь в другой раз. Паркер возвращается. Или как его там.

– Прошу следовать за мной, – попросил Сергей. – Ваши вещи уже на месте.

– Жди меня у себя, – сказал Клименок, ныряя в свою комнату. – Одну минуточку, Паркер, или как там тебя? – завопил он Сергею, вынырнув из комнаты.

– Сергей Петрович. Или просто Сергей, – представился он. – Что вы хотели?

– А где здесь кнопка? – спросил Клименок.

– Какая кнопка?

– Ну если мне что-нибудь срочно понадобится. Или у вас принято выходить в коридор и вопить во все горло «Дворецкий!» в любое время суток?

– Вот номер моего сотового, – сказал Сергей, протягивая Клименку листок из блокнота, на котором он, сначала написал номер своего телефона.

– Теперь другое дело, – обрадовался Клименок. – Можешь идти ублажать Ватсона.

Я только начал раскладывать вещи, когда ко мне в комнату ворвался Клименок.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил он.

– Пытаюсь разложить вещи. А что?

– Никогда так больше не делай, будучи Ватсоном.

– Почему?

– А если нам понадобится срочно сбежать? Будешь все складывать, рискуя жизнью, или бросишь на растерзание врагу?

– А мы собираемся сматываться?

– Пока нет, но мы еще ни к чему не приступили. И еще, не совсем глупый и наблюдательный человек, взглянув на твою комнату, легко сможет понять, как долго ты собираешься здесь проторчать. А из этого уже можно сделать достаточно много выводов.

– Как собираешься вести расследование? – спросил я, закидывая свое барахло обратно в сумку.

– Согласно правилу №1 неписанного кодекса настоящего детектива.

– Никогда о таком не слышал.

– И никогда больше не услышишь. Это – военная тайна. Из-за нее когда-то, кстати, погиб Кибальчиш. Обалденная, кстати, сказка. Где еще черным по белому говорится с таким откровением, за что бывает варенье с печеньем, а за что слава и почет, но уже посмертно...

– Хорошо. Что гласит это правило? – прервал я его разглагольствования.

– В вольном изложении оно гласит следующее: Настоя-

ший детектив пускает расследование на самотек, а сам занимается тем, что придет ему в голову. Главное, правильно подать это в отчете. Например, баню с девочками можно обставить как встречу с информатором по данному делу, и так далее. Главное, правильно писать отчеты. Они должны быть максимально объемистыми и совершенно пространными, как священные писания, чтобы в случае чего любой фрагмент можно было истолковать, как тебе угодно.

– И что, это работает? – удивился я.

– А ты как думал? Дело, – он сделал ударение на слове «дело», – само решает, раскрываться ему или нет, твое же дело маленькое.

– Подожди, – я не верил своим ушам, – хочешь сказать, что так вы и работаете?

– Так, только так и никак иначе.

– И что, получается?

– Как видишь. В тюрьмах свободных мест нет, а я занимаюсь исключительно деликатными делами. Как сейчас.

– Твое поведение трудно назвать деликатным.

– Не путай хрен с музыкой. Деликатное дело – это совсем не лизание задниц согласно табелю о рангах. С такой административной гимнастикой легко может справиться любой имеющий язык идиот. Деликатное дело – это... Ты случайно не поинтересовался, когда тут подают обед?

– В пятнадцать ноль-ноль.

– За час не порем. Предлагаю скоротать время за допро-

сом Гроссмейстера.

– Дворецкий!!! – истошно завопил Клименок, высовывая голову в коридор.

– Может вы все-таки скажете, милейший, что мы с Ватсоном имеем честь искать? Ваш дворецкий был нем, как дохлая рыба, что значит даже не открывал рта, – накинулся прямо с порога на Эдварда Львовича Клименок.

– Он не дворецкий, а ученик, – недовольно буркнул Эдвард Львович.

– Чертовски рад за него, а Ватсон так просто счастлив, однако, это не делает мой вопрос менее актуальным.

– Дело в том, господа, что искомый предмет – это часть нашего таинства, и мы не должны обсуждать с посторонними...

– А мы не умеем искать то, о чем не имеем ни малейшего представления, – перебил его Клименок. – Не так ли, Ватсон?

– Совершенно верно.

– Вот видите. Для Ватсона это тоже очевидно.

– Как вы не понимаете, что эманации духовного мира – вещь более чем тонкая, и...

– Так оставьте кесарю – кесарево, а писарю – писарево. Нас с Ватсоном интересуют вполне грубые земные материи. А именно: размер, форма, материал, внешний вид. Заметили, в этом списке нет ни слова про духовность.

– Ну хорошо, – сдался Эдвард Львович. – Это медальон

из чистейшего красного золота, инкрустированный золотом белым. Рисунок – сложный магический орнамент. Форма круглая. Диаметр сантиметров шесть. Такое описание вас устроит?

– Вполне. Когда эта штука пропала?

– Между девятым и десятым апреля.

– Откуда такая уверенность?

– В полночь с девятого на десятое я проводил ритуал с использованием талисмана, а десятого утром его уже не было в футляре.

– Где он хранился?

– У меня в сейфе.

– Где сейф?

– В моем малом кабинете.

– Можно будет взглянуть?

– Когда вам будет угодно. Я распоряжусь, чтобы Сергей вам все показал.

– А что это был за ритуал.

– Вам не кажется, что вы зарываетесь?

– Нам надо знать, кто при этом присутствовал, кто где был в тот промежуток времени, когда произошло исчезновение, и так далее. Ваши секреты нас не волнуют.

– Послушайте. Это часть Магического Закона, и я не в силах его нарушать. Наш ритуал священен, и прежде чем неопит узнает о нем хоть самую малую малость, он должен поклясться на священной книге Величайшего из Магов, что бу-

дет хранить в тайне все, что связано с ритуалом. Учитывая обстоятельства, я буду настаивать на том, чтобы вы поклялись на Библии, что сохраните все, что я вам скажу в глубочайшем секрете.

– Да хоть на сиденье унитаза! Давайте окончательно расставим все «ё» перед «б». Вопрос доверия – это вопрос доверия. Вы либо доверяете генералу, а именно он доверил нам с Ватсоном это дело, и вы рассказываете все, что нам нужно для дела; либо не доверяете генералу, и тогда нам с Ватсоном больше незачем тратить здесь свое время. Вам все понятно?

– Как это ни печально, но вы правы, – согласился с его доводами Эдвард Львович после долгой паузы.

– А раз до вас это дошло, расскажите о ритуале все, что можете сообщить.

– Надеюсь, это все? – спросил Эдвард Львович, описав, наконец, нам в общих чертах ритуал.

(Думаю, не надо объяснять, почему я опустил эту часть нашей беседы).

– Мое профессиональное любопытство полностью удовлетворено. Осталась одна деталь, – ответил Клименок.

– Что еще?

– Нам надо, чтобы вы распорядились, чтобы ваши друзья были с нами как можно более откровенными.

– Хорошо. Я представлю вас всем перед обедом и попрошу оказывать вам всяческое содействие.

– Вот это уже другое дело.

– А теперь, господа, я хотел бы остаться один. Мне нужно переодеться к обеду.

– Не смеем вас больше задерживать.

Глава третья

Вялотекущая эзотерия

Малый кабинет, туда мы отправились после обеда, был мал только по сравнению с большим. На деле он был размером с мою квартиру. Мебель – Эрмитаж позавидует, а вот сейф меня разочаровал. Я надеялся увидеть один из тех скрытых за какой-нибудь картиной не вскрываемых агрегатов, какие то и дело показывают в кино, а вместо этого увидел обычный железный ящик, такие стоят в любом кабинете начинающего начальника.

– Так значит это лежало здесь? – спросил Клименок сопровождающего нас Сергея.

– Да. Мы ничего здесь не трогали, чтобы сохранить отпечатки и...

– Кому нужны ваши отпечатки в наш подвинутый век! – патетически воскликнул Клименок, чем поверг Сергея в шок.

– Открыть? – спросил Сергей, обретя дар речи.

– Когда-нибудь после, когда нечего будет делать.

– Как вам будет угодно.

– Ты лучше позаботься о том, чтобы нам не пришлось гоняться по всему дому за свидетелями.

– Сейчас уже будет обед, а после обеда я позабочусь, что-

бы вы смогли переговорить со всеми, с кем захотите.

– С кого бы вы хотели начать? – спросил Клименка Сергей, когда мы расположились во второй малой гостиной после достойного того, чтобы о нем писали оды, обеда. Причем малой я бы эту гостиную тоже не стал называть.

– С тебя, – ответил Клименок.

– А я думал, что уже ответил на все ваши вопросы.

– Ну это невозможно в принципе.

– Хорошо. Я к вашим услугам.

– Тогда ответь нам с Ватсоном, почему за столом было одиннадцать человек, когда, судя по твоим словам их, если считать меня и Ватсона, должно было быть не более десяти. Только не говори, что вы пригласили за стол повара или садовника.

– В прошлый раз я не упомянул Магистра Запада.

– Какая досадная забывчивость! Или он пожелал сохранить инкогнито?

– Дело в том, что он опоздал и сумел прибыть к нам только 10 апреля утром. И я решил...

– Решать надо было в школе задачки по математике. С него мы с Ватсоном и начнем. Зови. Остальные в порядке живой очереди.

Моисей Маркович, так звали Магистра Запада, был вылитый Зиновий Гердт в его шестидесятипятилетней ипостаси.

– Скажите, Моисей Маркович, почему вы манкируете своими обязанностями? – первым делом спросил его Клименок.

– Дело в том, что моя супруга попала в больницу, и...

– Надеюсь, с ней все будет в порядке? – поспешил с выражением сочувствия Клименок.

– Вы бы знали, как я на это надеюсь.

– А что по этому поводу говорят врачи?

– Врачи всегда говорят одно и то же.

– Ладно. Расскажите немного о себе.

– А что рассказывать... Родился, учился, женился, работаю...

– А кем работаете?

– Раньше был старшим экономистом. А с тех пор как ушел на пенсию, консультирую коллекционеров, а иногда даже музеи по всем вопросам, связанным со старинными украшениями.

– Вот как! И как вы оцениваете пропавший талисман?

– К моему огромному сожалению, у меня не было возможности его оценить.

– Что ж так? Неужели Эдвард Львович отказался вам его показать?

– Дело в том, что я в Ордене новичок. Магистром Запада стал совсем недавно. Надеялся, вот, взглянуть на талисман, и не получилось. Очень жаль.

– А должно быть интересная он штукавина?

– Интересная – это слишком скромно сказано.

– А чем он так интересен, этот ваш талисман?

– Что? Вам что еще никто не рассказал эту историю? –

удивился Моисей Маркович. При этом выражение его лица стало удивительно детским.

– Похоже, высшим силам было угодно предоставить эту миссию вам.

– Исполню ее с превеликим удовольствием. Спустя неделю после известных событий 1904 года Алистера Кроули остановил неизвестный человек, назвавший себя Сабибом. Он сказал, что примерно неделю назад, то есть тогда, когда Айвасс диктовал «Книгу Закона», к нему явился демон. Он приказал Сабибу взять лопату, мешок и идти в пустыню. Там он указал ему место и приказал копать. Спустя какое-то время дрожащий от страха Сабиб (он думал, что роет себе могилу) вырыл глиняный сосуд, один из тех, какие делали в древнем Египте. Разбив сосуд, он обнаружил старинные монеты, драгоценности и талисман. «Доставь талисман этому человеку, скажи, что это – дар Айвасса, – приказал Демон, показав Сабибу в видении Кроули, – остальное можешь забрать себе». Ну а Кроули перед смертью вручил его деду Эдварда Львовича, назначив его Гроссмейстером Ордена.

– Представляю, как вам не терпелось увидеть эту вещь.

– Не то слово!

– И на тебе, такое разочарование, – сочувственно произнес Клименок. – Ладно. Как я понял, вы зарабатываете себе на жизнь, выполняя обязанности посредника и эксперта у коллекционеров?

– Можно сказать и так.

– А если не секрет, у вас богатая коллекция?

– О нет, я не собираю.

– Да? А почему?

– Не хочу попасть в рабство к вещам. Коллекционеры, они ведь, по сути, живут ради коллекций, а не наоборот.

– Весьма интересная мысль. Спасибо за содействие и...

– Надеюсь, вы все же его найдете, – сказал перед уходом

Моисей Маркович.

Его сменила Жрица Милосердия – похожая на старуху Шапокляк дамочка совершенно невообразимого возраста.

– Как вас величают в миру? – спросил ее Клименок.

– Анна Степановна Былых, – кокетливо ответила она.

– Обратите внимание, Ватсон, не Былого, а Былых, – изрек, подмигнув мне, Клименок. – Вдова что ли? – спросил он уже у Былых.

– Почему сразу вдова? – окрысилась она.

– Ну не знаю... Почему-то мне так показалось.

– Никакая я не вдова, и пусть вам на мой счет ничего больше не кажется!

– Как вам будет угодно. Кто вы по профессии?

– Врач психиатр.

– На пенсии?

– Вы что, не можете без оскорблений?

– Не спорю, наши пенсии вполне можно принять за оскорбление, но право, не я же их назначаю.

– Вы прекрасно поняли, что меня оскорбили ваши гряз-

ные намеки на мой возраст.

– И в мыслях не было! Христом-богом клянусь!

– Вы можете не паясничать?

– Могу.

– Так вот, я очень много работаю, а еще я веду здоровый образ жизни, увлекаюсь йогой, питанием по системе Марковой, регулярно очищаю организм, ни разу не обращалась к врачам и никогда не пью таблетки. Хватит или еще?

– Скажите, а где вы были в ночь с 9 на 10 апреля?

– Вместе со всеми в ритуальном зале. У нас было всеобщее бдение.

– А как вы думаете, мог в это время в дом прокрасться какой-нибудь Посторонним В и украсть талисман?

– Исключено. Дом был под охраной Айвасса.

– Хреновый из вашего Айвасса охранник.

– Да кто вы такой, чтобы об этом судить?! – окончательно разозлилась она.

– Ну так иначе бы талисман не попал. Или я неправ?

– Или же он хотел, чтобы талисман покинул этот дом.

– Вот даже как? А зачем ему это? Только не говорите, что пути Айвасса неисповедимы.

– Не знаю. Он передо мной не отчитывается.

– Считаете, Гроссмейстер недостойн того, чтобы хранить в своем доме талисман?

– Ну что за глупости! Эдвард Львович – очень достойнейший человек. И если уж не ему...

– Но вы минуту назад сами сказали, что у Айвасса на этот счет есть свое мнение?

– Я только сказала, что раз Айвасс отнял у нас талисман, значит, на то есть свои причины.

– Разумеется, причины есть. Тут с вами трудно не согласиться. Благодарю вас за помощь следствию. Вы свободны.

Фыркнув, как простуженная лошадь, она демонстративно поднялась со стула и покинула комнату.

– Ну и как тебе самая старшая из присутствующих здесь дам? – спросил меня Клименок, еле сдерживая смех.

– Тише мыши – едет крыша.

– Не то слово.

Следующей в порядке живой очереди была Алая Женщина. Это была красивая, по крайней мере, самая красивая из присутствующих женщина лет 28. Брюнетка с короткой стрижкой. Рост средний. По нынешним скелетно-бухенвальдским меркам ее можно было назвать слегка полнова-той, причем исключительно в нужных местах. А если еще добавить идеальные руки и ноги... Но больше всего меня поразило ее по-детски наивное и одновременно неглупое лицо. В такую я бы влюбился.

– Вообще-то воспитанные люди, когда входит женщина встают, – сказала она, входя в комнату.

– Сударыня, ну где вы видели воспитанных ментов при исполнении? – игриво ответил Клименок, даже не подумав приподнять свой зад. Признаюсь, я поступил также.

– Это точно, – согласилась она. Сев за стол, она достала сигарету и зажигалку и, всем своим видом давая понять, что прикурит без посторонней помощи, закурила.

В другом исполнении это, скорее всего, выглядело бы пошло и даже вульгарно, но каждый жест, каждое движение Алой Женщины было наполнено шармом. Вообще в ней чувствовался лоск.

– А я вас сразу узнал, – улыбаясь во всю свою сотню зубов сообщил ей Клименок.

– Да? А мы разве знакомы?

– Если можно так выразиться. Мы встречались в позапрошлом году на субботнике в управлении. Я тогда еще был капитаном, ну а вы... В вас не было ничего алого кроме крови.

Слова Клименка заставили ее густо покраснеть и разом растерять весь свой лоск.

– Хотя, какой же я идиот! – воскликнул он, – конечно же, это были не вы. Как я мог только подумать!

Она облегченно вздохнула.

– Скажите, пожалуйста, Анята...

Это имя заставило ее сжаться в комок.

– Алла, – поспешно поправила она.

– Конечно же, Алла. Прошу прощения. Как я понимаю, вы вместе со всеми были на ночном бдении, ни на секунду не покидали помещение и не видели, чтобы кто-то незаметно отлучался на час-другой?

– Вы все правильно понимаете.

– Скажите, а кого, по-вашему, могло угораздить стащить раритет?

– Даже не представляю.

– А как насчет посторонних в доме?

– Исключено. Все двери запираются на щеколды изнутри.

– Этот аргумент вроде бы позволяет исключить и прислугу?

– Совершенно верно. Без чьей-то помощи изнутри они бы не смогли проникнуть в дом при полном своем желании.

– Ладно, Алла, – он сделал ударение на слове «Алла», – если не секрет, как вы стали Алой Женщиной? Насколько я понимаю, этот титул означает, что вы – особа, приближенная к императору?

– Эдвард Львович увидел меня на одном из банкетов. Он сообщил мне, что у меня сильнейшие магнетические флюиды и предложил стать Алой Женщиной. Я согласилась.

– Насчет флюидов он точно подметил. А дворецкий вас не ревнует?

– Сергей что ли?

– А что. Тип еще тот, претендует на место наследника престола, и алее некуда.

– На счет ЭТОГО нет, но вы правы, он жук еще тот. Никогда не знаешь, что у него в голове.

– Почитайте учебник анатомии. Там все подробно и даже с картинками.

Она очаровательно рассмеялась.

– Могу я попросить у вас телефончик? Расследование – дело непредсказуемое. Мало ли что...

– Конечно, записывайте.

– Благодарю вас.

– Похоже, мужиков вы решили оставить нам на десерт! – отреагировал Клименок на появление Лунной Жрицы вслед за Алой Женщиной.

Лунная Жрица была именно такой, какой должна быть модель женщины: Высокая, худая, с милым лицом. Вот только лет ей было под сорок, что среди моделей принято считать пенсионным возрастом. В общем, она была полной противоположностью того образа, который Кроули описал в «Лунном дитя». В миру ее звали Верой Павловной Лунгиной.

– Скажите, Вера Павловна, чем вы вынуждены заниматься, чтобы прокормить себя? – едва она вошла, спросил Клименок.

– Я руковожу риэлтерской фирмой.

– Двигаете недвижимость?

– Можно и так сказать, – улыбнулась она.

– Что можете сказать интересного?

– Смотря о чем.

– О похищении века.

– Думаю, ничего.

– Кто, по-вашему, это мог быть?

– Не знаю. Кроме Айваса некому.

– А зачем это ему?

– Не знаю, – она пожала плечами.

– Скажите, а вы в него верите?

– В зависимости от обстоятельств.

– Тоже верно. Спасибо за помощь, и не смею вас больше задерживать.

Женщин сменили мужчины, и первым из них был Магистр Севера – олицетворение богатства и успеха около пятидесяти лет отроду. Густые волосы до плеч. Темные с благородной сединой. Небольшая модная бородка. Высокий рост, широкие плечи, лицо, какие любят женщины... Загар, спортзал, солярий, косметолог, стилист и куча бабок.

– Генрих Покровский, – представился он.

– А по батюшке? – спросил его Клименок.

– Что? – удивился он такому вопросу.

– Как вас будет по батюшке?

– По батюшке я буду Нифонтович.

– Очень хорошо. Чем занимаетесь?

– Художник портретист, – ответил он, говоря всем своим видом: «Как можно такого не знать!».

– Судя по тому, как вы выглядите, успешный.

– Не жалею.

– Послушай, Ватсон, а ты не хочешь иметь свой портрет кисти Генриха Покровского. Думаю, учитывая обстоятельства, он сделает тебе скидку.

– Вот только вряд ли ваш коллега захочет воспользоваться вашим советом, – ответил он Клименку.

– Это еще почему? – удивился тот.

– Потому что пишу я исключительно портреты свиней.

– Кого? – спросили мы с Клименком в один голос.

– Свиней. Из них еще делают свинину.

– И как? – только и спросил Клименок.

– Говорят, гениально.

– А как платят?

– Еще лучше, чем говорят.

– И что, покупатели вешают потом ваши работы в гостининой и говорят знакомым, что это дражайшая их родня?

– Понятия не имею.

– Ага, лишь бы платили?

– Видите ли, майор, мне повезло в жизни делать то, чего я хочу, и получать за это хорошие деньги.

– Так вы стали рисовать свиней по доброй воле?

– Только не рисовать, а писать.

– Ну да, конечно... Но почему? Что определило ваш выбор?

– Ну... одни пишут иконы, другие ваяют Ленина, а я пишу портреты свиней. Почему? А почему Земля круглая, а вода – мокрая?

– Хорошо. Вы меня убедили. А скажите, как, по-вашему, кто-нибудь из присутствующих мог настолько походить на ваших натурщиков, чтобы взять и стащить амулет?

– Даже и не знаю.

– Ну кто-то же его стащил?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, в вашем присутствии не было бы необходимости.

– Тоже верно.

– Тогда всего доброго.

– Кто там у нас остался? – спросил Клименок, посмотрев на часы.

– Магистр Юга, Жрица Надежды и прислуга.

– Прислугу оставим на потом. Возражений нет? Вот и чудненько. Ладно, давай их по-быстрому опросим, и по домам.

– А мы разве не остаемся?

– С какой стати?

– Ты с таким рвением требовал вторую комнату...

– Это для порядка. К тому же мы ведь можем вернуться в любой момент. Или нет?

Ответить мне не дало появление Магистра Юга.

Он был одним из тех придурков, которые сначала таскаются за любимыми звездами эстрады, спорта и кино, потом за различными гуру, потом... Он был длинным, тощим, очкастым и выделялся огромным острым кадыком. Похоже, он единственный из всей этой компашки принимал абсолютно все за чистую монету.

– Олег Олегович Свидригайлов, – представился он.

– Известная фамилия.

– Ну да, литературная.

– Как, по-вашему, кто мог украсть талисман?

– Во время ритуала Гроссмейстер перепутал слова заклинания.

нания.

– И?

– Талисман был перемещен в Бета-реальность. А оттуда нам, увы, его не вернуть.

– Ну, раз так, не смеем вас задерживать.

– Ладно, надежда умирает последней. На сегодня все.
По коням, Ватсон.

Глава четвертая

Пара слов о Кроули

– Скажи мне, Ватсон, а Кроули... он как Иисус с Гарри Поттером или... – спросил Клименок по дороге домой.

– Нет, он был вполне реальным человеком из плоти и крови.

– И что, был таким же идиотом, как эти?

– У него была репутация сатаниста, черного мага, садиста, психа, фашиста, шпиона, наркомана, что не помешало ему покорить Чогори – вторую вершину после Джомолунгмы, полового извращенца чудовищных масштабов... Но идиотом его никто не называл.

– Ну, раз ты знаешь, кто это такой, может, избавишь меня от долгих поисков в интернете? Только в двух словах. Хорошо?

– В двух словах о Кроули – это как в двух словах о квантовой механике или...

– Ватсон, ты меня пугаешь! Еще немного, и я буду думать, что ты одинокими холодными вечерами магически воешь на полную луну.

В двух словах о Кроули...

«Кроули был сложной личностью, всесторонне осведомленным человеком, который вел бурную жизнь, характери-

зующуюся калейдоскопической смесью из позиций и установок, постоянно претерпевающих изменения. И все же его жизнь была подчинена одной главной цели – быть магом, проповедовать то, что он называл Законом Телемы. Кроули был эгоцентриком и честолюбцем, обладая при этом блестящими способностями. Высокообразованный человек с сильным интеллектом, он в то же время был тщеславным, эгоистичным и во многих отношениях откровенно наивным. В возрасте пятидесяти лет он признавался в своем дневнике, что так и не чувствует себя взрослым. Итак, следует признать, что выделить самое существенное в личности Кроули – нелегкая задача.» – Вот только первый абзац введения книги Мартина Бута «Жизнь мага: биография Алистера Кроули».

А вот, что о нем пишет Роберт Уилсон в самом начале «Космического триггера»:

«Я вошел в гибельное место совершенно случайно в один из дней 1971 года, читая „Книгу лжей“ английского мистика Алистера Кроули. Кроули вызвал во мне интерес, потому что был серьезным адептом йоги и оккультизма; многие считали его черным магом, многие в нем видели мага новой эры; за ним закрепилась противоречивая слава альпиниста-героя, поэта, бисексуального родоначальника хиппи, алхимика, шутника-садиста, чудотворца и шарлатана. Я был особенно заинтригован расхожей легендой, согласно которой однажды Кроули превратил поэта Виктора Нейбурга

в верблюда, и экспериментом Кроули в Оксфорде, во время которого (по свидетельству многих людей) он силой взгляда разбил вдребезги зеркало, стоявшее в другом конце зала. Надо сказать, что все книги Кроули остроумны, парадоксальны, блистательны, двусмысленно и намеренно загадочны в той или иной степени, но „Книга лжей“ – это, бесспорно, самая большая литературная мистификация Кроули.»

Алистер, а если точнее, Эдвард Александр Кроули родился 12 октября 1875 года на юге Англии в Лимингтон-Спа. Его отец был зажиточным пивоваром и в своей общине одним из лидеров Плимутского братства – фундаменталистской христианской секты. В результате еще в раннем детстве Алистер заработал стойкое отвращение к религии и обывательству. Родители держали его в строгости, что не мешало ему в школе слыть хулиганом. После школы он поступил в Тринити Колледж при Кембриджском Университете, который бросил фактически перед получением степени, увлекшись йогой, магией, оккультизмом и поэзией.

Известный лондонский оккультист А Э Уэйт (Кроули познакомился с ним после того, как изучил его труды) рассказал Кроули о Герметическом Ордене Золотой Зари – оккультном обществе, изучающем магию, каббалу, таро, алхимию, астрологию и другие герметические дисциплины. Возглавлял Орден С. Л. Макгрегор Мазерс. Среди адептов Ордена были такие известные люди, как Артур Конан-Дойль, Дион Форчун и Уильям Йетс. В 1898 году Кроули был при-

нят в Орден под именем брат Пердурabo. В том же году он познакомился с живущим в Париже Мазерсом.

В 1900 году Кроули оказался в центре скандала, связанного с расколом Ордена. Мазерс попросил Кроули поддержать его в борьбе с захватившей власть в Лондоне Флоренс Фарр. С нанятым для этого громилой Кроули ворвался в штаб-квартиру Ордена, откуда они забрали папки с документами и ларец с реликвиями. Дело дошло до полиции и суда. В результате Кроули пришлось заплатить достаточно крупный штраф.

После этого он купил дом на побережье озера Лох-Несс, куда перебрался жить, взяв себе имя Лорд Болескин. Там он прожил около года, занимаясь альпинизмом и практикуя магию средневекового волшебника Абрамелина.

В 1903 году Кроули женился на Роуз Келли, экзальтированной особе, в которой он разглядел прекрасного медиума. В свадебное путешествие они отправились на Восток. В начале 1904 года они прибыли в Каир.

18 марта Роуз, находясь в состоянии транса во время проводимой Кроули магической процедуры сообщила ему, что бог Гор пытается установить с ним контакт. Для проверки Кроули попросил Роуз показать ему Гора в музее Булака. Она прошла мимо нескольких хорошо известных изображений бога и указала на Гора на расписанной деревянной погребальной стеле с инвентарным номером 666 – любимым числом Кроули.

После этого, повинувшись указаниям жены, он 8, 9 и 10 апреля ровно в полдень уединялся в своей комнате, и записывал, что диктовала ему откуда-то сзади некая сущность, назвавшаяся Айвассом, слугой Хозяина Безмолвия – древне-египетского бога молчания Гарпократа.

– Так что, все это не плод безумного воображения гроссмейстера и компании? – спросил Клименок.

– Айвасс продиктовал Кроули «Книгу Закона», но ни о каком талисмানে я никогда раньше не слышал.

– Понятно. Можешь продолжать.

– «Книга Закона» стала своего рода основанием для телемической философии и магии Кроули, развитию которой он посвятил всю свою жизнь. «Делай что хочешь – таков закон!» – эта фраза, позаимствованная у Рабле, стала девизом всей его жизни.

В 1906 Кроули снова объединился с Джорджем Сесилем Джонсом в Англии, где они создали Орден Серебряная Звезда (A.·A.·.), превратившийся в движущую силу для передачи мистической и магической системы тренировок Кроули, построенной на принципах Телемы.

В 1909 году Кроули опубликовал книгу «777» и стал Магистром Храма. После этого он полностью отдался экспериментам с наркотиками и сексуальной магии. Наркоманом, кстати, его сделали врачи. Он страдал астмой, а тогда ее лечили атропином и морфием.

В 1910 году Роуз Келли окончательно сошла с ума, и Кро-

ули с ней развелся. Он влюбился в австралийскую скрипачку Лайлу Уодделл, после которой у него было еще миллион баб.

В том же 1910 или в 1912 году Кроули познакомился с немецким оккультистом Теодором Ройсом, главой Ордена Восточных Тамплиеров (ОТО). Эта группа масонов высших степеней посвящения утверждала, что открыла высшие секреты практической магии, которые изучались на высочайшем уровне. Причем Ройс сам пришел к Кроули. Дело в том, что Кроули опубликовал в одном из журналов фрагменты своей «Книги Лжей», где, сам не зная того, описал магические ритуалы ОТО. Позже Кроули писал:

«Я вообще не знал, что у этого Ордена есть какие-либо тайны, и так и сказал ему об этом. Когда же он, взяв в руки брошюру, показал мне это место, я вдруг понял, что просто описал символический ритуал, единый для всех времен и народов».

Закончилось это тем, что Ройс принял Кроули в ОТО, присвоив ему одну из высших, 9 степень.

Полностью «Книга Лжей» вышла в 1913 году в Англии, а с комментариями Кроули в 1921 году.

Британия оказалась слишком пуританской для этого человека, и ему пришлось уехать из страны. Сначала он жил в Швейцарии, а потом переехал в Штаты. Там он не нашел ничего лучше, как начать призывать к поддержке немцев во время Первой мировой войны (Германия была противником США). После окончания войны Кроули ненадолго вер-

нулся в Англию, а затем перебрался в Италию, где на острове Сицилия основал «Аббатство телемических мистерий». Пьянство, наркотики, сексуальные оргии... все это стало причиной того, что в 1922 году Кроули выгнали из Италии. Не имея средств к существованию, он отправился в Париж в поисках денег. Там он узнал о смерти Ройса в 1921 году и о том, что Ройс назначил его своим преемником. Кроули изменил ритуалы ОТО, согласовав их с Законом Телемы, и возложил на организацию главную обязанность – установление Телемы в мире. Также он сделал Орден независимым от масонов.

В 1929 году Кроули изгнали и из Франции, и ему пришлось переехать жить в Германию. В 1934 году ему разрешили вернуться в Англию.

Алистер Кроули умер в Гастингсе, Англия, 1-го декабря 1947 года практически в нищете.

Рассказав это, я понял, что не сказал о Кроули практически ничего. О чем и сказал Клименку, но он оставил эти мои слова без комментариев.

Глава пятая

Ватсон играет соло

– Человек! Человек! – Завопил Клименок, увидев Сергея во дворе. – Этот урод уже пожаловался генералу от лица всего коллектива на мое хамство. Просил, между прочим, заметить меня кем-нибудь другим, – сообщил он мне.

– И что?

– Ничего. Если действия какого-либо должностного лица кажутся вам идиотскими, возможно, это лицо решает совсем иную задачу, чем вы предполагаете.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Это так, тема для медитации.

Было утро второго дня расследования. Мы с Клименком только-только вернулись на место преступления и еще не успели войти в дом.

– Он что, не слышит? Человек!!!

Настолько истошного вопля мне слышать не приходилось. Видимо решив, что игнорировать Клименка – не самая подходящая идея, Сергей быстрым шагом направился к нам. Он был более чем зол, и для того, чтобы это понять, не надо было посещать курсы физиогномики.

– Послушайте! – взвизгнул он. – Это уже не укладывается ни в какие ворота! Я, конечно, не ожидал от таких, как вы

хороших манер, но настолько неприкрытое хамство... Я буду жаловаться!

– Ты уже пожаловался.

– Да, и буду жаловаться еще.

– Да ладно тебе, расслабься. Человек – это звучит гордо.

Или ты забыл?

– Для вас я Сергей Петрович, и будьте любезны обращаться ко мне на «вы». Иначе...

– Иначе вы сделаете сипоку, у нас почему-то принято говорить харакири, на сиденье моей машины?

– Да пошел ты!.. – сказал Сергей, не забыв указать точный адрес, повернулся и быстрым шагом бросился прочь.

– Гражданин Солодилов! – рявкнул командирским голосом Клименок. – Я вас еще не отпускал. Или вы хотите продолжить разговор в отделении без Ватсона и при закрытых дверях, так я вам это устрою.

Это подействовало. Сергей остановился и нехотя вернулся к нам.

– Что вам еще угодно? – спросил он, трясясь от злости.

– Вчера мы не успели поговорить со жрицей Надежды. Вы не знаете, где мы могли бы ее найти?

– Несколько минут назад я видел ее в беседке с той стороны дома.

– Благодарю вас, гражданин Солодилов. Можете быть свободны.

– Зачем ты с ним так? – спросил я, когда Сергей удалился

на достаточное расстояние, чтобы не слышать мой вопрос.

– Я тебе задал тему для медитации?

– Ну?

– Вот и медитируй.

– Понятно, значит, не скажешь.

– Извини, не скажу.

– Ладно...

Катюшу, или Екатерину Егоровну Приходько, как и предсказывал Сергей, мы нашли в беседке. Она сидела с ногами на столе и увлеченно СМСила по телефону, работая руками со скоростью, которой позавидовала бы ни одна дюжина секретарей-машинистов. Кате было семнадцать. Не страшная и не красивая. Пустая голова и богатенький папа, – а что папа богат, у меня не вызывало сомнений, – отложили на ней свой отпечаток. Так, одна знакомая барышня, дочурка такого же богатенького Буратино рыдала в три ручья потому, что он подарил ей на 18 лет какую-то там «Тойоту», а не машину ее мечты.

– Привет, – сказал я.

– Доброе утро, Екатерина Егоровна, – поздоровался Клименок.

Она удостоила нас мимолетным взглядом и вновь переключила все свое внимание на телефон.

– Екатерина Егоровна, нам нужно задать вам пару вопросов.

– В таком случае вы бы сделали это вчера.

– Вчера мы не успели этого сделать, – ответил я, потому что Клименок никак не собирался реагировать на ее слова.

– Тогда могли бы, по крайней мере, избавить меня от ненужного торчания под дверью.

Я уже хотел, было, принести наши искренние извинения, но Клименок мне не дал этого сделать.

– Это был тактический ход, – сказал он.

– Какой еще тактический ход? – раздраженно спросила она.

– Так тебе и скажи. Размечталась.

– А ваши вокальные упражнения, это что тоже тактический ход?

– А ты сообразительная. Тебе понравилось?

– Думаю, ему это только на пользу.

– Ну раз так, теперь твоя очередь доставить нам с Ватсоном удовольствие.

– Ладно, давайте ваши вопросы.

– Скажи, ты когда-нибудь видела талисман?

– Разумеется, каждый раз во время ритуала.

– Он тебе нравился?

– Если честно...

– Только честно и никак иначе.

– Тогда не очень.

– А почему?

– Не знаю, какой-то он... не такой.

– Не впечатляющий.

– Вот именно, не впечатляющий.

– Скажи, а его мог кто-нибудь украсть?

– Конечно мог, раз украли.

– А кто-нибудь выходил во время вашего бдения?

– Все выходили.

– Вот как?

– А вы думали, можно пробдеть всю ночь и ни разу не захотеть попить или в туалет?

– Тогда почему все уверяют, что никто не выходил?

– Потому что они – идиоты.

– Ты уверена.

– А вы разве нет?

– Хороший вопрос. Но я не могу разглашать ответ в интересах следствия.

– Понятно, – улыбнулась она.

– Нам тут вчера сказали, что Гроссмейстер перепутал слова.

– Чушь собачья.

– Да?

– Как он может перепутать слова, если вместо слов он несет откровенную пургу. Он только говорит, что это – латынь, тогда как на самом деле...

– Думаю, ты сама так делаешь на собраниях своего филиала. Угадал?

– Не скажу.

– У нас раньше на танцах так исполняли песни на «ан-

глийском языке». Текстов никто не знал, поэтому плели все, что придет в голову, лишь бы было созвучно, – предался я воспоминаниям.

– Похоже, Ватсон, барышня слишком юна, чтобы помнить о том, что когда-то вместо диджеев на корчах играли местные ансамбли на дерьмовых инструментах.

– Как вы сказали? – заинтересовалась Катя.

– Извини, дорогая, но я дословно уже не повторяю.

– Нет, как вы назвали свои допотопные дискотеки?

– Корчи.

– Корчи, – рассмеялась она. – Гламурненько.

– Видишь, Ватсон, теперь даже не говорят «клево» или «прикольно». Я чувствую себя динозавром брежнезойской эры. Ладно, оставим лирику на потом. Скажи, Кать, а кем тебе приходится Гроссмейстер?

– Он – никем.

– А не он?

– А неон – это что-то из химии. Я уже и не помню. Еще вопросы есть?

– Отдыхай.

– Да нет, сейчас будут звать на завтрак. Вот смотрите: десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один, ноль...

Когда она дошла до ноля, послышался удар гонга, прямо как в фильмах с Брюсом Ли.

– Класс! – отреагировал Клименок. – А перед обедом что,

В гонг не бьют?

– Бьют, но вчера там что-то поломалось.

– Понятно, и спасибо за помощь следствию.

– Всегда пожалуйста.

Должен признаться, что как писатель я искренне завидую тем мастерам пера, которые могут развести листов на десять описание ветки сирени, или не менее подробно описывать натюрморт на столе, густо сдабривая его пустыми разговорами. Подобный талант легко позволяет раздувать даже сводку погоды до размера как минимум повести. К сожалению, таких способностей у меня нет. Возможно, это связано с тем, что, как читатель я терпеть не могу все эти толстовские дубы глазами князя Андрея, и стоит мне нарваться на более или менее длинное описание гостиной или тучек на небе, как я гарантированно пропускаю этот кусок. Если таких описаний становится слишком много, я попросту перехожу к другой книге. Поэтому, несмотря на желание это сделать, я не стану описывать ни деликатесы, которые нам посчастливилось съесть, ни светские беседы. Только то, что имеет отношение к делу.

Короче, завтрак уже подходил к концу, когда Анна Степановна, она же Шапокляк, она же Жрица Милосердия, постукав ножом по бокалу, как это делают на банкете, когда хотят произнести тост, заявила:

– Кажется, я знаю, кто преступник, – торжественно, словно пионер, дающий клятву, сказала она.

– Да? И кто же он? – ехидно спросила Вера Павловна.

– Да, Анна Степановна, если вы знаете, вы должны нам немедленно назвать его имя, – поддержал ее Свидригайлов.

Затем разом загалдели все, превратив завтрак в стихийный митинг. Одна лишь Анна Степановна, да мы с Клименком сохраняли молчание.

– Вы на рожу ее посмотрите, – сказала мне Катя. Она сидела рядом со мной за столом. – Само олицетворение торжества. Ее медом не корми, дай побыть в центре внимания.

Словно в ответ на эти слова Анна Степановна поднялась из-за стола. Это заставило публику затихнуть.

– Я должна еще кое-что проверить, – сказала она, – и потом я вам все скажу.

– Когда? – бросил кто-то из зала.

– Сегодня вечером или завтра утром. А теперь прошу меня извинить, – с этими словами она покинула столовую.

– Послушай, Ватсон, ты хорошо выспался? – спросил меня Клименок, когда мы встали из-за стола.

– Да, а что?

– Тогда поработай немного соло, а я пойду вздремну.

Представляешь, так ночью и не прилег.

Вот только на его лице не было никаких следов недосыпания. Соврал? А если и так, мне какое до этого дело.

– Хорошо, – согласился я, – что надо делать?

– Задавать вопросы. Желательно в самых неожиданных местах.

– Какие?

– Любые. Это не имеет значения.

– Но для чего?

– Видишь ли, Ватсон, люди почему-то склонны считать, что мы либо поголовно все некомпетентные идиоты, и все, что мы делаем – полнейшая чушь; либо считают нас клонами Холмса и Пуаро. В этом случае они полагают, что каждый наш шаг является результатом каких-нибудь умозаключений, и всеми силами стараются нащупать такую генеральную линию партии. А так как здесь никто не знает, какова твоя истинная роль, твое шоу окажет незаменимую услугу следствию.

– Ладно, договорились.

– А раз так, слушай инструкцию: Правило №2 неписанного кодекса настоящего детектива гласит, что для того, чтобы эффективность процесса сбора и обработки информации была максимальной, необходимо умело сочетать интенсивный сбор и обработку информации с процессом интуитивного прозрения. На практике это выглядит достаточно просто. Устав, например, торчать в каком-нибудь архиве или задавать тупые вопросы всяким придуркам, ты выходишь на улицу и идешь или едешь, куда глядят глаза. Ты просто следуешь за своей интуицией. И если она подсказывает тебе бросить все и идти к любовнице, значит, так тому и быть. Разумеется, каждый твой шаг должен быть отражен в отчете с соответствующей аргументацией... Более или менее понятно?

– В общих чертах да.

– Тогда действуй. Потом расскажешь, что получилось.

Клименок отправился к себе в комнату, а я, решив без лишних раздумий перейти сразу к процессу интуитивного прозрения, вышел пройтись. Гуляя по саду, я случайно напоролся на Анну Степановну, выполнявшую на спрятанной среди кустов лужайке какие-то хитроумные физические упражнения. Я собрался, было, ретироваться, но она меня остановила.

– Вы мне не мешаете, – сказала она, словно приглашая меня остаться.

– Спасибо.

Пока мы обменивались любезностями, она упрямо сгибала совершенно нечеловеческим образом ногу в коленном суставе. В конце концов, послышался отчетливый хруст.

– Вам не больно? – ужаснулся я.

– Это всегда больно. А иначе практика теряет смысл. Скажите, – спросила она, – почему вы терпите все эти оскорбления? Я понимаю, он ваш начальник, но не дает же это ему право обходиться с вами столь снисходительно фамильярно... Где ваша гордость, в конце концов!

– Вот только он мне не начальник, а, скорее учитель и консультант. Что же касательно оскорблений, то я не чувствую, чтобы меня кто-то оскорблял. Возможно, я и не прав. А относительно гордости... Возможно, у меня ее нет.

– И плохо. Гордость – это мост, по которому человек мо-

жет подняться до неба, а нет гордости и не моста.

– Рожденный ползать...

– Это не одно и то же. Главное понять, ЧТО в этой жизни зависит от нас.

– Я с вами полностью согласен. Но позвольте задать вам вопрос по делу.

– Я же сказала, что скажу позже, когда буду готова.

– Меня интересует не «кто», а «почему».

– Что почему?

– Почему вы сказали это при всех на обеде?

– Я хотела увидеть его лицо.

– А если он вам поверил?

– Бойтесь, что он может причинить мне вред?

– Боюсь, что простым вредом здесь не кончится.

– Если я права, то он слишком ничтожен, чтобы что-либо предпринять.

– А если вы неправы, а он поверил?

– Здесь все слишком ничтожны, чтобы что-либо предпринять.

– Вы так считаете?

– А вы разве нет?

– Ну... я не знаю.

– А я знаю. А теперь извините, мне пора в душ.

– Вот вам и Милосердие, – сказал я себе вслух, оставшись один.

Устав торчать на улице, я вернулся в дом. В декорирован-

ной под чайный клуб комнате я обнаружил Покровского. Он пил чай, соблюдая все китайские премудрости.

– Не помешаю, Генрих Нифонтович? – спросил я, остановившись у порога.

– Хотите чаю? – предложил он.

– Не откажусь. Что пьем? – поинтересовался я, садясь за стол.

– «Большой красный халат». Вам это о чем-то говорит?

– У меня есть «бирюзовая карта» «Улуна».

– О, да вы – родственная душа. Не ожидал.

– Почему?

– Потому что у милиции нет на это времени.

– Ну, я не совсем милиционер.

– Сказать по правде, вы совсем не милиционер.

– Вы сами догадались, или кто-то сказал?

– Я хоть и пишу свиней, но живу среди людей. К тому же вас называют Ватсоном, а у него было весьма странное для британца имя: Доктор, если мне не изменяет память.

– Должен сказать, что вы правы.

– А еще я, думаю, не ошибусь, если скажу, что вы желаете что-то спросить.

– Что вы здесь делаете?

– То же что и вы. Пью чай, и жду, когда стрелки часов преодолеют свой путь между завтраком и обедом.

– А если серьезно?

– А если серьезно... Мне здесь нравится. Вот и все.

А нелепые телодвижения и разговоры о потустороннем ничуть не хуже светской трепотни о политике, футболе, тряпье или бабах. А если еще честнее... У моей мамы пошли камни. Один полностью закупорил мочеточник. А она полгода как после инфаркта, и операция ее бы убила, а без операции было никак. Я уже приготовился в мыслях ее хоронить, и тут приходит приятель. Один из этих, экстрасенсов. Что он гнал, уму непостижимо. Любой шизофреник мог ему позавидовать. Предложил он свою помощь. До операции три дня. В общем, мы с мамой согласились. Возился он с ней раза по четыре на день. И что бы вы думали? На третий день она сходила в туалет. Моча была жуткого красно-коричневого цвета с какими-то хлопьями. Ужас! Думал, конец маме. Но хирург, который должен был ее резать, сказал, что это так мочеточник открылся, и вся гадость, которая была в почке... Извините за эти подробности... Так вот, как он сказал, хоть это и невозможно, но камень исчез. Я, конечно же, с магарычом к приятелю. Спрашиваю, как ему это удалось, так он такую пургу понес, похлеще, чем Гробовой или Лазарев. И тогда я подумал, что, сталкиваясь с неизвестным, такие люди обдeldывают штаны и хватаются за любое, самое шизофреническое объяснение, потому что других объяснений просто нет, а без объяснений страшно до усерачки. Поэтому они и несут всякую чушь. При этом они что-то умеют и если им не мешать, делают. Вот только их болтовню не надо воспринимать всерьез.

– И вы думаете, здесь...

– Нет, здесь другое дело. Здесь своего рода клуб состоятельных людей, играющих в магическую игру.

В комнату вбежала Катя.

– Папка пойдем, – позвала она с порога.

– Папка? – удивился я.

– А вы не знали? – спросила она. – Какой же вы тогда

Шерлок Холмс.

– Если ты забыла, Клименок называет меня Ватсоном.

– Тогда вам простительно. Ладно, у нас с папкой дела.

Теперь понятно, что она здесь делает, и почему ее назначили жрицей. Вот только почему она Екатерина Егоровна Приходько, а он Генрих Нифонтович Покровский? Ладно, спрошу при случае.

Допив чай, я отправился дальше шляться по дому. В малой гостиной я встретил Аллу. Она раскладывала пасьянс.

– А, Призрак коммунизма? Заходи, – позвала она.

– Почему Призрак коммунизма?

– Потому что такой же нелепый, и бродишь здесь по дому, запугивая всех своими вопросами.

– Тебя я испугаю только одним вопросом, если позволишь.

– Да? И каким?

– Что ты здесь делаешь?

– Я уже говорила.

– Нет, что для тебя все это? Извини, но ты не похожа на че-

ловека, который верит во всю эту магию.

– Я верю в магию статуса. И очень скоро благодаря этой магии ни одна сволочь вроде твоего начальника не посмеет даже в мыслях попытаться напомнить, что мы были знакомы. Ты понял? – сказала она с нескрываемой злобой.

– Но мы ведь не были знакомы?

– Нет.

– А раз так, зачем на мне отрываться?

– Если бы я захотела на вас оторваться, вас бы уже было не узнать, – она перешла на «вы», чтобы показать, что ее «ты» я недостойн.

– А меня и так в каком-то смысле не узнать, – ляпнул я.

– Пошел вон, скотина, сволочь, мразь... – закричала она, запустив в меня пепельницей.

Выбежав за дверь, я согнулся пополам от хохота.

– Чего ржешь? – спросил словно выросший из-под земли Клименок.

Я рассказал.

– Знаешь, почему я себя так веду? – спросил он. – Потому что у меня есть удостоверение. Именно наличие удостоверения позволяет мне махать им перед чьим-нибудь носом, хамить, не боясь получить по морде, и так далее. Имея удостоверение, главное не забывать, что оно перебивается другим, более старшим удостоверением, и всегда учитывать эту возможность. А раз удостоверения у тебя нет, будь добр вести себя прилично. Иначе можешь нарваться на неприятность.

– Хорошо, босс.

– Я говорю серьезно.

– Я понял.

– Ладно, что накопал?

Катя назвала Покровского папой. Вот только она – Екатерина Егоровна Приходько, а он – Генрих Нифонтович Покровский.

– Значит, либо он не Генрих Покровский, либо она не Егоровна Приходько, либо она не его дочь. Впрочем, к делу это не имеет отношения. Я тут, кстати, имел весьма интересный разговор с прислугой. Оказывается, здесь готовится если не революция, то, как минимум, дворцовый переворот. И знаешь, кто претендует на роль Ленина? Дворецкий. Он, оказывается, собирается занять кресло босса.

– Думаешь, это он украл талисман, чтобы пошатнуть положение Гроссмейстера?

– Он слишком умен, чтобы расшатывать чье-либо положение. Здесь что-то другое. К тому же он – наш первый и главный подозреваемый, что по неписанному правилу детектива должно означать его полную невиновность.

– Так это не он? Ты уверен?

– Я не уверен, что уверен.

Глава шестая

Соло продолжается

– Похоже, теперь ваш коллега решил, что мы должны ждать пока он не соизволит сесть за стол, – желчно заметила Анна Степановна.

– Он уже уехал. Вернется завтра, – имел неосторожность пояснить я.

– И что, вы говорите нам об этом только сейчас? – поддержал ее Свидригайлов.

– А что, он не сказал? – удивился я.

– Какая наивность! Конечно нет, и зная его характер, как вы вообще могли подумать, что он снизойдет до каких-то объяснений? – съязвила Алла.

Похоже, желчь стремительно выходила из берегов.

– Знаете что, я ему не нянька, – огрызнулся я. – Вернется, ему и высказывайте.

– Вы не волнуйтесь, ему мы обязательно выскажем, – злобно сообщил Гроссмейстер.

– Вот ему и высказывайте.

Если честно, я и сам был зол на Клименка.

– Есть дело, Ватсон, – сказал он минут за тридцать до обеда. – Мне надо срочно свалить по делам, но дело в том, что сегодня этих пауков нельзя оставлять без присмотра. Ты

сможешь остаться?

– Да без проблем.

– С меня причитается. Ладно, Ватсон, я погнал. Если что, телефон мой у тебя есть.

Сделав мне на прощанье ручкой, он поспешно свалил. Я решил позвонить домой, предупредить Эмму.

– Ну что, Пинкертон, уже чувствуешь себя мастером современного детектива? – спросила она.

– Еще не понял.

– Приедешь сегодня пораньше?

– Сегодня я не смогу приехать.

– Это еще почему? – в ее голосе послышались стальные нотки. Это не предвещало ничего хорошего.

– Клименок... ну этот, следовательно попросил меня остаться.

– Это еще зачем?

– Он сказал, что их нельзя оставлять без присмотра.

– Вот пусть и присматривает. Деньги за это платят ему.

Ты то здесь причем?

– Дело в том, что ему надо было уехать, и он попросил...

– А ты как дурак повелся.

– Эммочка, красотуля, ну что тут такого?

– А то, что он использует тебя, а ты как телОк. Когда ты уже перестанешь быть мямлей.

– Ну Солнце...

– Так он уже умчался?

– Да.

– Хорошо. Позвони ему, скажи, что у тебя тоже дела. Мне что, надо тебя учить элементарным вещам?

– Я не хочу так.

– Что? – от этого вопроса повеяло холодом Антарктиды.

– Он попросил, я согласился.

– Так надо было не соглашаться. Ладно, размазня, скинь мне его номер, я сама ему позвоню и все объясню, раз ты не можешь.

– Ты этого не сделаешь.

– Еще как сделаю.

– Не делай из меня идиота, пожалуйста.

– Ты уже идиот, да к тому же еще и бесхарактерный.

– Ну зачем ты так.

– Короче, ты мне нужен дома. У нас сегодня гости, и...

– Ну скажи им, что я в командировке.

– Ах так!.. Ну и торчи тогда там со своими придурками!

В общем, если этот диалог и выглядит ненатуральным, то только потому, что я его немного сократил и убрал из него матерные выражения.

Конечно, в первую очередь дурака надо искать в зеркале, но...

Думаю, понятно, с каким настроением я сидел за стол, а тут еще эти, прости их господи, уроды, узрев, что злой собаки больше нет во дворе, решили оторваться на мне по полной. Ну почему в Мире так много людей, которые нежела-

ние хамить воспринимают как слабость и приглашение сесть на шею?!!

Едва мы разобрались с неявкой Клименка, на меня накинулся Сергей.

– Послушайте, может, вы сумеете объяснить, почему ваш коллега себя так ведет? – спросил он так, словно это я был виновен во всех его неприятностях.

– Понятия не имею, – ответил я.

– Он что, всегда всем хамит, или же это у вас такой миллицейский прием?

– Да, и почему генерал никак не отреагировал на нашу просьбу отстранить его от этого дела? – ехидненько так поинтересовался Свидригайлов.

– Не понял, я вам что, пресс-секретарь МВД? – попытался я перевести все в шутку.

– Сколько лет вы работаете вместе? – не унимался Сергей.

– Второй день.

– Второй день? Вы шутите?

– Я знаю этого человека столько же, сколько и вы, и довольно об этом. Или вы думаете что то, что я пытаюсь вести себя нормально, позволяет вам изливать на меня свою желчь?

– Да что ты с ним говоришь! Он такая же мразь, как и тот, только в тысячу раз хуже. Тот, по крайней мере, не корчит из себя хорошего! – высказалась Алла. – Эдвард, скажи, почему ты вообще заставляешь сидеть нас с ними за одним сто-

лом. Мы не обязаны их кормить... Или нет, пусть питаются вместе с прислугой!

– Это у тебя от неправильного положения ног, – язвительно заметила ей Катя.

– Хочешь сказать, что что-то не так с моими ногами? Да что бы ты понимала, соплявка!

– Ну да, – продолжила Катя, – стоило тебе их ненадолго сдвинуть, как гонор полез изо всех щелей.

– Ах ты сука малолетняя. Эдвард! Сделай что-нибудь, или я сама прочу эту сучку!

Судя по выражению лица Генриха Нифонтовича, он уже собрался, было, объяснить Алле, кто здесь сука, но ему не дал этого сделать Эдвард Львович.

– Прошу вас, успокойтесь, – сказал он тихим и каким-то страдальческим голосом. – Неужели вы так и не поняли, какая опасность нависла над всеми нами? Неужели вы не видите темные флюиды сил Сета? Да откройте же глаза! Всмотритесь в ту черную тучу, которая повисла над нами? Или вы действительно думаете, что все дело в этих двух смертных? А если бы и так, то кто есть вы, а кто есть они? Вы – Магистры и Жрицы, и не стыдно вам так опускаться? Не стыдно столь сильно реагировать на слова слепых? Не мы ли должны подавать им пример величия? Тем более сейчас, когда Сет со своим воинством готовится нанести нам удар? А раз так, то говорю я вам, оставьте злость и ваши мелочные обиды и обратите свои души к Гору и Осирису! Да пребудет с нами

Айвасс и мудрые слова учителя Кроули!

– Да пребудет с нами Айвасс, – повторили они все хором, и...

Словно в подтверждение его слов ливанул дождь. Он обрушился с небес на землю точно коршун на свою добычу. Когда мы садились за стол, в небе светилося солнце, и ничто не предвещало дождя. Но еще до того, как подали кофе, налетел мощный порыв ветра, а затем с неба обрушилась стена воды.

Ливень заставил всех замолчать. Обстановка стала торжественной, а Гроссмейстера так раздуло от собственной классности, точно он был самцом жабы в брачный период. А потом был гром. Сначала, на какое-то мгновение небо стало похоже на разбитое блюдо, а потом громынуло так, что во дворе испуганно завывли припаркованные машины. Гром был настолько громким, что заглушил крик испугавшейся Кати. А преподобный Магистр Юга подскочил на месте так, что вылил свой кофе на кремовые брюки Веры Павловны. Затем, словно по команде все вскочили из-за стола. Ошпаренная Вера Павловна, ругаясь, как сапожник, побежала приводить себя в порядок, а остальной жреческий состав за исключением Моисея Марковича, испуганно бормоча заклинания, двинулся в зал для ритуалов.

– Да, нелегко вам пришлось сегодня, – сочувственно сказал он, когда мы остались одни.

– Бывало и потрудней.

– Не желаете коньячку?

– Отчего ж не желаю? Желаю.

– Тогда позвольте предложить перейти в каминную. Люблю, знаете ли, пить коньяк, наблюдая за пламенем.

– Предложение принято единогласно.

– Кстати, вы знаете, что фраза «пойдем куда-нибудь посидим» вполне могла появиться на свет в древнем Риме, граждане которого любили собираться в общественных туалетах, которые, разумеется, туалеты, были не чета нашим.

– Вариация на тему «деньги не пахнут?»

– Что-то вроде того.

Каминная мне понравилась. Она была меньше других комнат, зато в ней я впервые в этом доме почувствовал себя в своей тарелке. Моисей Маркович ловко развел огонь.

– Предлагаю расположиться прямо на полу, – предложил он, подразумевая под полом толстый ковер. – Сигару?

– С удовольствием.

Мы закурили, прикурив от специально приготовленной для этого лучины.

Несколько минут мы сидели молча.

– А вы не слишком надоедливый для следователя, – заметил Моисей Маркович.

– Не хочу портить атмосферу.

– Это хорошо. Я не люблю, когда портят воздух.

– Я не это имел в виду.

– Вам видней, но все же, я ни за что не поверю, что у вас

не найдется для меня какого-нибудь вопроса.

– Сегодня я задаю только один вопрос.

– Да? И какой же?

– Что вы здесь делаете? Я имею в виду, какими судьбами вас занесло в этот Орден?

– Я понял, что вы имеете в виду. Насколько хорошо вы знакомы с Кроули?

– Читал о нем у Уилсонов, как у Колина, так и у Роберта. Читал его биографию, выпущенную в серии «Жизнь Запрещенных Людей». Читал «Книгу Закона», «Книгу Лжей», «Лунного дитя» и «Дневник наркомана». Кое-что нашел о нем в интернете. В общем, можно сказать, ничего.

– А как с другими его книгами?

– Для меня там слишком много египетской мифологии, таро и каббалы. Пожалуй, я слишком невежественный для этого.

– А что вы скажете на то, что здесь я обнаружил нигде ранее неопубликованные дневники Зверя 666 (так часто называл себя Кроули).

– Они подлинные?

– Без всякого сомнения.

– В своей книге «Моя жизнь после смерти» Роберт Антон Уилсон описывает одну весьма интересную историю. В августе 1968 года испанское правительство на острове Ивиса отправило за решетку человека которого в частности (у него было немало других имен) звали Эль Миром Де Хори. Дело

в том, что он подписывал свои картины такими именами, как Пикассо, Ван Гог, Матисс... Причем эксперты принимали его картины за полотна тех художников, имена которых стояли на холстах. Уилсон делает весьма логичный вывод о том, что теперь, после этого скандала, глядя на картину, подписанную тем же Матиссом, нельзя быть уверенным в том, кто ее написал: Матисс, Эль Мир или другой еще не раскрытый гений мистификации.

– Да, я читал биографию Эль Мира. Она называется, кажется «Подделка». Имя автора по-моему Клифф... Кстати тоже весьма достойный образец мистификации, хотя, бесспорно, эта история имела место в действительности.

– И что, вы продолжаете утверждать, что эти дневники однозначно написаны рукой Кроули?

– Скажу так, эти дневники вполне достойны того, чтобы быть написанными рукой Кроули.

– А вы... Как относитесь к Кроули?

– Я очень многому научился у этого человека, как, впрочем, и у Ошо, и у Петра Успенского, у Карлоса Кастанеды... Я с огромным уважением отношусь к этим людям, и если у меня появляется возможность еще ближе приобщиться к их наследию, я ее не упускаю.

– А что вы скажете о том, что происходит здесь?

– Вы хотите знать, как я отношусь к тому, чем занимается здешняя компания?

– Именно это я и хочу знать.

– Знаете... Это как дзен и Пелевин. Не совсем удачное сравнение.

– Зато вполне понятное и четкое.

Мы напивались медленно и неуклонно, а когда надрались до состояния откровенного разговора, он затронул тему, ради которой и организовал распитие коньяка тет-а-тет.

– Знаете, у вашего друга талант устраивать провокации, – сообщил он мне таким тоном, словно открывал тайну государственной важности. – Хотите верьте, хотите нет, но такими я никогда их еще не видел. Такие всегда важные, воспитанные... И тут раз... Признайтесь, может он и правда служит Сету?

Рассмеявшись, он дал понять, что последнее утверждение было шуткой.

– Не знаю. Я действительно знаком с ним всего только два дня. Два, – я показал два пальца.

– Нет, скажите, – не унимался он, – так достать Дворецкого... Ну это понятно. Но что он успел уже сделать Алле?

– Насколько я понял, он намекнул на ее довольно-таки нелицеприятное прошлое.

– А вам не посчастливилось стать свидетелем этого разговора?

– Не только. Она была со мной слишком надменной, и я не удержался и намекнул ей на то, что понял намек Клименка.

– Ну да, конечно, для нее это как...

– Представляете, а я в нее чуть не влюбился. Когда я ее впервые увидел, она показалась мне совершенством, грацией и изяществом в одном флаконе.

– Ну пыль в глаза она пустить может. А что он сделал ТАКОГО Надежде?

– Этому... а этой, как ее... Шапокляк?

– Шапокляк?! – от смеха он поперхнулся.

– С Шапокляк у них похоже взаимная идиосинкразия на уровне коллективного бессознательного... – предположил я.

– Возможно, вы и правы. Черт... Кажется, я перебрал. Теперь бы еще перебраться...

Добравшись до дивана, он сделал вид, что отрубился.

В коридоре я столкнулся с Аллой.

– Признайся, сволочь, это ты ей все рассказал, – злобно зашипела она.

– Да пошла ты! – вслух я выдал эту расхожую фразу без купюр.

– Подонок, мразь, сволочь... – она готова была кинуться на меня с кулаками.

– Слышь, ты, отставная шлюха, только дернись, и я раскрашу хлебало. Ты поняла? – предупредил я.

Я не шутил, и она это поняла.

– Я тебя ненавижу! Что б ты сдох! Понял? Что б ты сдох!

Этот приступ бессильной злобы заставил меня рассмеяться ей в лицо. Продолжая выкрикивать оскорбления, она бро-

силась прочь, а я... Чувствуя себя намного более пьяным, чем хотелось, я сначала забрел в туалет процитировать Есенина (пальцы в рот и веселый свист), а потом, чтобы прийти в себя, вышел из дома. Дождь кончился, а, судя по звездному небу и огромной луне, ужин я пропустил, или его просто не было.

На лужайке у дома я увидел Веру Павловну. Она стояла спиной ко мне и лицом к луне, точно избушка в сказке. В лунном свете она выглядела сказочной феей. Не знаю почему, но мне захотелось к ней подойти.

– Извините. Можно нарушить ваше одиночество? – спросил я, стараясь выглядеть, как можно менее пьяным.

Она не ответила, но ее молчание, скорее, выглядело как «да», чем как нет. По крайней мере, мне так показалось и так захотелось.

– Тут такое дело, – продолжил я попытку завязать разговор, – я чертовски хочу вас о чем-нибудь спросить, но не знаю о чем.

– Тогда я вас спрошу.

– Чертовски весь к вашим услугам.

– Скажите, почему, по-вашему, люди нарушают закон?

– А кто вам сказал, что они его нарушают?

– Это что, шутка?

– Отнюдь. Люди всегда следуют закону. Только у некоторых людей их персональный закон отличается от того, который прописан в кодексах. Этих людей и называют преступ-

никами.

– Интересная мысль.

– Вы знаете, она мне и самому понравилась. А теперь можно и я немного полюбопытствую?

– Попробуйте.

– Скажите, а что вы здесь делаете? Ну, вы одна на этой поляне?

– Я разговариваю с луной.

– Правда?

– Вас это удивляет?

– Нет, но заставляет чувствовать себя виноватым в том, что так бесцеремонно вклинился в ваш разговор.

– Ну что вы. Наш разговор происходит на другом, надсознательном уровне. К тому же луна светит не для меня одной.

– А вам не кажется, что думать о том, что луна светит для нас слишком уж самонадеянно. Она вообще может не знать о нашем существовании, да и кто мы такие, вообще...

– Вы говорите так потому, что ни разу в жизни не разговаривали с луной.

– Почему нет? Я – сколько угодно. А вот она со мной...

– А хотите, я вас научу?

– А у меня получится?

– Получится. Не обязательно с первого раза, но получится.

– Хорошо, что для этого нужно?

– Просто встаньте, расслабьтесь и позвольте луне войти в ваше сердце.

– И что должно произойти?

– Не знаю. Я это чувствую. Я чувствую луну, деревья, траву. Они существуют вокруг меня и в моем сердце. Прекрасное чувство. А как это будет у вас...

Признаюсь, я честно стал рядом с Верой Павловной, устремил свой взор на луну, но в сердце мне все больше проникала она... Вот так я и остался стоять подле нее, страдаемый синдромом Гамлета.

А потом был истошный женский крик.

Глава седьмая

На сцену выходит труп

Спустя десять минут все были в гостиной. Катя сидела за столом. Ее трясло. Рядом, мешая друг другу, суетились Алла и Вера Павловна. Они, что называется, в четыре руки пытались накапать в стакан нужное количество Валерианки или Корвалола. При этом Алла тщетно пыталась скрыть за проявлением заботы свою радость: самый лучший бальзам для души – это неприятность ближнего. Еще подле Кати был отец. Он держал ее за руки и изливал на нее подбадривающий словесный поток. Все остальные играли роль хора, склоняя на все лады вопрос: «Что случилось?». Кроме нас с Верой Павловной все были в пижамах или халатах. Когда же от избытка чувств Жрицы все-таки умудрились уронить стакан, за дело взялся Сергей.

– Дай сюда, – рявкнул он на Аллу, отбирая пузырек с каплями. С ловкостью настоящего иллюзиониста он явил публике новый стакан (прежний разбился, так и не исполнив свой стаканий долг) и бутылку водки. Налив в стакан не менее 50 грамм водки, он зубами вытянул пробку-дозатор и от души разбавил водку лекарством.

– Пей, – приказал он, – сунув Кате в руку стакан с этим своеобразным коктейлем.

Она послушно выпила. Учтывая, какая гадость, эти капли, ее поступок вполне можно считать подвигом. На ее глазах появились слезы. Вскоре она смогла уже более или менее связно рассказать, что с ней произошло:

Сначала ее мучил кошмар. Это был один из тех действительно страшных снов, после которых начинаешь завидовать всем страдающим бессонницей.

– Проснувшись, я сразу почувствовала чье-то присутствие, но решила, что это у меня из-за сна. Чтобы прийти в себя, я решила попить воды и немного почитать, чтобы кошмар больше не возвращался. Но едва я села в кровати, я увидела его.

– Кого? – вопрошал хор, пока она боролась со спровоцированным необходимостью вспомнить ВСЕ ЭТО страхом.

– Это был демон. Он был настолько страшным, что я боялась смотреть. Он стоял у ног кровати, а я...

Она заплакала.

Испугавшись демона, она закрыла глаза и принялась читать «Отче наш», не забывая креститься и осенять крестом демона. Его это только рассмешило.

– Ну ты даешь! – сказал он, давась от смеха, – я, конечно, страдаю аллергией на всякого рода идиотизм, но не на столько, чтобы испугаться этого.

– Когда я поняла, что молитвы его не берут, и я совершенно бессильна, я...

Она потеряла над собой контроль и закричала. Крик ока-

зался более действенным орудием экзорцизма. Демон исчез, а буквально в следующее мгновение в ее комнату вбежал отец. Она была в шоковом состоянии, и он не нашел ничего лучше, как притащить ее в гостиную, куда следом приперся остальной состав нашей сборной. Не было только прислуги, потому что они здесь не ночевали.

Невидимый дирижер взмахнул палочкой, и хор грянул новую песнь о том, что надо было Кате просить защиты у Айвасса, а не у «этого еврейского божка». Еще немного, и они доконали бы ее совсем, если бы кто-то (к сожалению, я не уловил, кто) не вспомнил:

– А где Анна Степановна? Кто-нибудь видел ее? – спросил кто-то из присутствующих.

И все сразу заголосили, что как же это они в суматохе совсем позабыли об Анне Степановне, словно до этого момента они только и делали, что ежеминутно вспоминали о ней.

– Подождите, а вдруг с ней что-то случилось? – первым высказал опасение Свидригайлов.

Эти слова стали своего рода выстрелом из стартового пистолета, и все дружно, кроме Кати и ее отца, бросились в ее спальню. Самой резвой из нас оказалась Алла. Ее крик подтвердил наши опасения. Когда мы следом за ней ворвались в комнату, она выглядела, как Катя перед коктейлем.

– Она... она... она...

– Умерла, – произнес это слово Сергей.

– Мертва, – прошептала Алла.

– Ты уверена? – испуганно спросил Свидригайлов.

– Хотите – проверьте.

– Уж лучше я поверю тебе на слово.

Наверно, надо осмотреть тело, подумал я, но тут же отогнал от себя эту мысль. Я не врач и не мент, а, учитывая обстоятельства, в комнате покойной лучше было не следить.

– Пойдемте, пойдемте отсюда, – попросил я, – не будем усложнять работу экспертам, а заодно и себе жизнь. Все попятимся к двери.

– Кто-нибудь собирается что-нибудь делать? – истошно завопила Вера Павловна, когда мы были в коридоре. Похоже, истерия перекинулась и на нее. – Почему вы ничего не делаете? – этот вопрос был уже задан конкретно мне.

– Нечего мной командовать! – рявкнул я на нее во все горло, не зная, как поступать в таких ситуациях. – Дайте ей кто-нибудь Валерианки.

– Наверно, надо вызвать милицию или скорую... – как-то неуверенно предложил Моисей Маркович.

– Ну что же вы все стоите, – поддержала его Алла.

Сергей бросился к телефону. Похоже, он один из всех нас был способен поступать правильно в сложившейся ситуации.

– Сергей, постойте, – остановил его я, – сначала лучше позвонить Клименку. Как бы он ни был вам отвратителен, но лучше него в этой ситуации не разберется никто.

– Ну так звоните. Чего же вы... – набросилась на меня Алла.

– Так я и звоню, – ответил я, доставая из кармана мобильник.

– Чего тебе, Ватсон? – услышал я сонный голос Клименка после бесконечной череды звонков.

– У нас неприятности.

– Это я уже и так понял. К делу.

– У нас труп, а по дому гуляет демон.

– Ватсон, ты чего охренел?

– Умерла Анна Степановна, а у Кати шок, к ней приходил демон.

– Какой еще нахрен демон?

– Я что, специалист по демонологии? Откуда я знаю.

– Подожди. Ты сказал, что у вас там кто-то умер?

– Анна Степановна Былых.

– Теперь уже точно былых...

– Ты лучше скажи, что нам делать?

– Набирайте ноль, а потом двойку. Знаешь, как они выглядят?

– Слушай, может, хватит!

– Хотя нет... Лучше все-таки в скорую. Вы же не специалисты, решать умерла она или нет. Все верно. Вызывайте волшебников страны ноль три.

– Может, лучше ты сам им позвонишь?

– Тебе что, трудно набрать две цифры? Так попроси Дворецкого.

– Послушай, кто из нас мент?

– При чем здесь это?

– А притом, что если ты позвонишь и сообщишь, что к чему...

– Ты прав. Извини. Я сразу не догадался.

– Так что нам делать?

– Ждите. Я сам разберусь. И ни слова о демонах. Это я серьезно. Скажи всем.

– Хорошо.

Пока я занимался телефонными переговорами, к нам присоединились Катя с отцом.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Анну Степановну убили, – почему-то решила Вера Павловна.

Для Кати это было уже слишком.

– Папа мне страшно! Поедем домой, папулечка! – заголосила она сквозь слезы.

– Сейчас, милая, сейчас, только оденемся и возьмем ключи.

И тут с катушек слетел Свидригайлов.

Выхватив непонятно какими судьбами оказавшийся у него пистолет, он завопил:

– Никто никуда не уедет! Всем оставаться на своих местах! Не подходить!

– Да что вы себе позволяете, – попытался урезонить его Эдвард Львович, но тот и слушать не стал.

– Пристрелю любого, кто попытается...

Что должен попытаться сделать кандидат на тот свет, он, видимо, не придумал.

– Вы что же, не понимаете, – быстро-быстро заговорил он, сверкая безумными глазами, – что единственный шанс для нас выжить – это держаться вместе? Или вы забыли, что только магический круг, да помощь Айвасса способны защитить нас от Сета и его воинства? Или вы забыли, что стоит нам разорвать круг, как всем нам конец? И мне, и вам, и вам, и вам...

Повторяя «и вам», он по очереди тыкал стволом в сторону каждого из нас.

– Или хочешь, чтобы с твоей дочки сняли шкуру живьем? – провизжал он, брызгая слюной, после того, как закончил считалку.

– Мне страшно, – чуть слышно произнесла Катя. – Папа, папулечка...

– Да остановите же его, – не выдержала Вера Павловна.

– А вы что стоите! Это же ваша работа останавливать таких, как он, – набросился на меня Генрих Нифонтович.

– И не думайте об этом, – предупредил меня Свидригайлов, беря на мушку.

– А я и не думаю. Я что, похож на того парня, который полезет грудью на ствол, чтобы потом какие-то умники придумывали шутки про гололед? Да мне это нахрен не надо!

– А где ваш пистолет? – спросил меня вдруг Сергей.

– Мой пистолет? – переспросил я.

– Ваш пистолет.

– Мой пистолет? – снова спросил я, чувствуя себя конченным идиотом.

– Ваш пистолет.

– Ах, мой пистолет... У меня его нет, – признался я.

– Почему?

– Потому что у меня его нет.

– Да все это потому, что он даже не мент. Вы что, не слышали, как он себя сдал, говоря с тем ментом? – дошло вдруг до Аллы.

– Так вы не мент? – спросил Сергей.

– Не мент, – ответил я.

– А кто?

– Я – супервизор, – брякнул я первое, что пришло в голову.

– И что это за хрень? – ехидно спросила Алла.

– А этого уже вам знать не обязательно. Давайте лучше разойдемся по своим комнатам! Сейчас уже будет скорая и милиция. Или вы хотите, чтобы они застали нас вот так... Милейший, вы позволите нам вернуться в свои комнаты, – спросил я у Свидригайлова.

– Именно этого я от вас и добиваюсь, – ответил он.

– Тогда мы все расходимся, а вы уберете пистолет. Не хватало еще, чтобы вас застрелили при задержании, или вы вдруг нажали нечаянно на курок.

Удивительно, но все послушались. К тому моменту, как

прибыли менты на труповозе, я еле держался на ногах. К счастью, они ничего не хотели, ни о чем не спрашивали. Только попросили указать, где труп, точно они приехали не за телом мертвого человека, а забрать какой-то хлам. Когда со всем этим было покончено, я мысленно послал расследование ко всем чертям и увалился в постель, даже не раздеваясь. А солнышко за окном говорило о том, что начался новый день.

Глава восьмая

Домой

– Что может быть лучше охоты по случаю открытия охотничьего сезона! – радостно воскликнул Клименок, лихо припарковав машину возле обшарпанного здания на окраине города, у входа в которое висела табличка, поясняющая, что этот шедевр архитектурного зодчества принадлежит охотничьему клубу «Огонек». Как помещение клуба выглядело изнутри, мне увидеть не удалось. К тому времени, когда мы с Клименком прибыли в клуб, все уже были готовы к отъезду. Охотников было человек тридцать. Все в камуфляже и в шнурованных высоких ботинках, все вооружены до зубов и, судя по азарту на их лицах, опасны. У ног охотников вертелось штук пять собак. Одетый в свою обычную одежду, без собаки и не имеющий даже перочинного ножа, я почувствовал себя среди них белой вороной.

– Тебе трудно было сказать, куда мы поедем? – накинулся я на Клименка. – Я бы хоть оделся более подобающим образом.

– Не парься, – отмахнулся Клименок. – Здесь всем до одного места, как ты выглядишь, лишь бы не лез на линию огня.

И точно, никто из охотников не обратил на несоответству-

ющий моменту мой внешний вид ни малейшего внимания.

– По машинам! – громко скомандовал председатель клуба, маленький тощий старичок с больше похожим на гранатомет, чем на ружье предметом, и охотники организованной толпой полезли в два арендованных для охоты автобуса. В салоне собаки затеяли собачий спор.

– Хуже детей, – пробурчал я.

– Не скажи, хуже детей не может быть никого по определению, – отреагировал на мои слова охотник спереди.

Не желая продолжать разговор, я оставил его реплику без внимания.

Наиболее активные охотники, едва автобусы тронулись с места, открыли упаковку одноразовых стаканчиков и откупорили бутылки из первого ящика водки.

– За охоту! – рывкнули все хором, когда выпивка была роздана всем желающим.

Потом выпили за охоту еще и еще.

После третьей охотники грянули до идиотизма бессмысленную помпезную песнь, которая, скорее всего, была гимном клуба. Притихшие, было, собаки начали активно подпевать своим хозяевам.

Наконец, автобусы прибыли на какой-то жуткий пустырь, поделенный на части лесополосами, превращенными местными жителями в филиал городской свалки. Счастливые, как дети, у которых отменили уроки, охотники вывалились из автобусов.

– Господа! Попрошу внимания! Господа! – завопил председатель клуба.

Отпустив собак побегать на воле, охотники собрались полукругом вокруг председателя, который разродился получасовой пафосной речью о роли охоты в жизни и становлении Человека. С его слов получалось, что только благодаря охоте наш предок из обычной бесхвостой обезьяны превратился в человека разумного, создал науку и технику и даже отправился покорять космос. Пока он разорялся, охотники накрыли импровизированный стол, и речь председателя плавно перешла в первый тост. Я уже собирался обратиться к председателю с просьбой принять меня в клуб (такая охота была мне по душе), когда Клименок взял меня за руку и оттащил от стола.

– Пойдем, пора занимать позицию, – сказал он.

– А что, здесь еще что-то планируется? – удивился я.

– Мы же на охоте. Или ты забыл?

Этот совершенно очевидный аргумент заставил меня почувствовать себя идиотом.

– Располагайся, – сказал Клименок, приведя меня на чердак непонятно зачем построенного и давным-давно заброшенного двухэтажного сарая.

Через прореху в крыше охотничий пустырь был виден, как на ладони.

– Держи, – вручил он мне мощный военный бинокль, а сам занялся своим «ружьем», которым оказалась снайпер-

ская винтовка.

– А разве тут можно кого-нибудь подстрелить? – удивился я. Как ни старался, я так и не смог увидеть никого кроме охотников, даже вездесущие воробьи и вороны десятой дорогой облетали это место.

– При желании хороший охотник везде найдет, куда разрядить ружье, – назидательно сказал Клименок.

Тем временем охотники разбились на группы по интересам. Добрая половина, резонно решив, что в этом и состоит суть охоты, продолжала поглощать запасы еды и спиртного, изредка постреливая по пустым бутылкам. Недобрая часть разделилась на более мелкие группы по интересам. Несколько клинических оптимистов бродили с ружьями наизготовку по пустырю, надеясь встретить залетного воробья или дятла. Еще несколько окончательно наохотившихся товарищей отправились спать в автобус. Минут через пять созерцания ближних, мне стало скучно. Клименок на удивление очень внимательно рассматривал что-то в прицел своей снайперской винтовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.